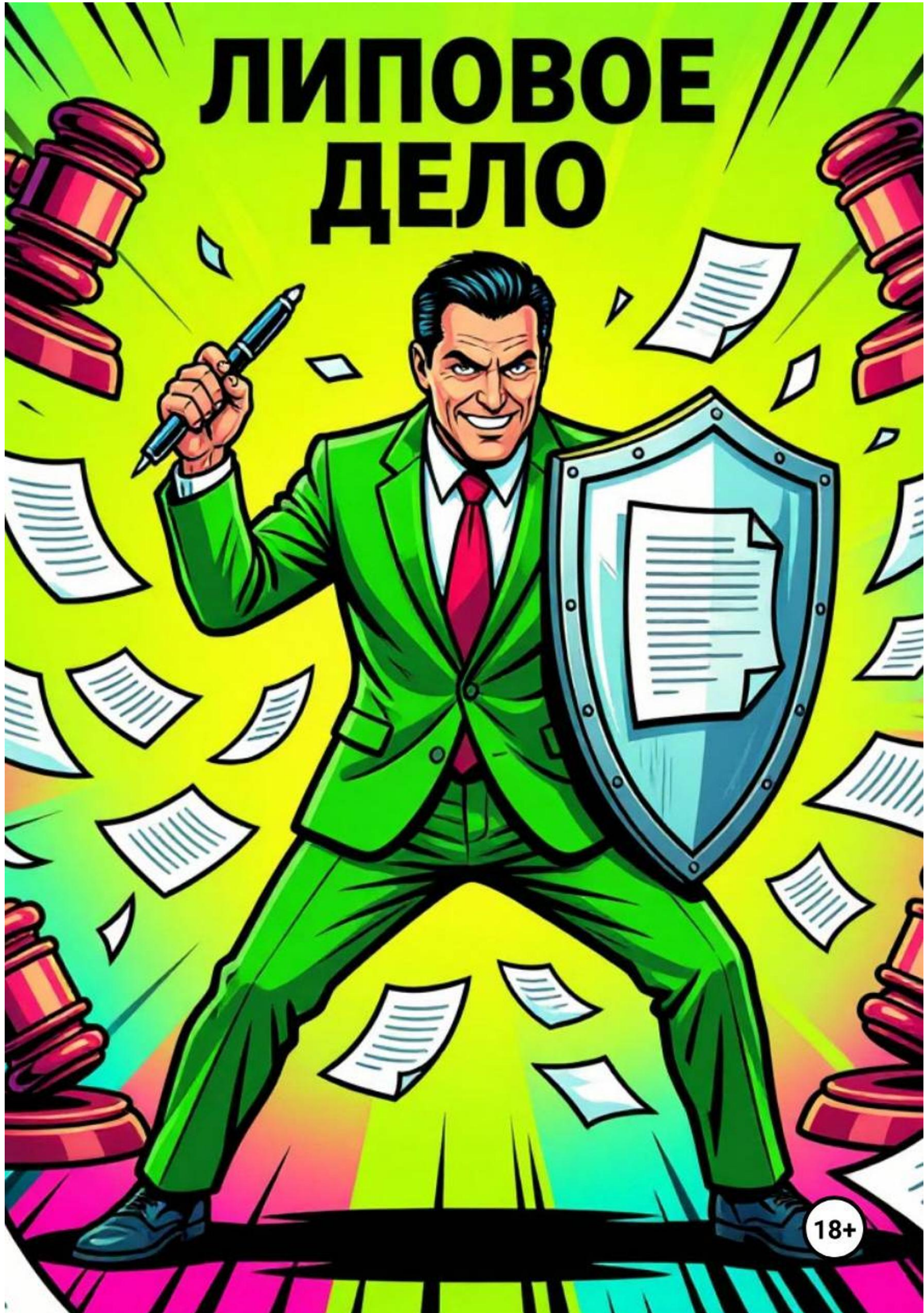

ЛИПОВОЕ ДЕЛО

18+

Стивен Марш

ЛИПОВОЕ ДЕЛО

«Автор»

2026

Марш С.

ЛИПОВОЕ ДЕЛО / С. Марш — «Автор», 2026

Он — «Липовый Линди», адвокат, который продал душу мафии, а теперь пытается её выкупить. Но цена искупления выше, чем он думал. Эдди Линден начинал с грошовых защит в вонючей конторе над маникюрным салоном. Чтобы вырваться из нищеты, он стал правой рукой мафиозного клана Донателло. Его талант находить лазейки и делать чёрное белым прославил его как самого грязного адвоката Филадельфии. Но когда он помог скрыть убийство и отправил за решётку невиновного, даже его собственная совесть взбунтовалась. Теперь Эдди — мишень для всех: брат-судья жаждет лишить его лицензии, бывшие «друзья» из мафии хотят заткнуть ему рот, а единственная любящая женщина не может простить предательства. Единственный шанс выжить — инсценировать смерть и начать всё заново. Но прошлое не отпускает: его сын, о котором он не знал, втянут в ту же трясину, а таинственный «Архив» объявляет охоту на всю семью. Сможет ли Липовый Линди обмануть смерть и закон в последний раз? Узнайте на страницах этого романа.

© Марш С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог: Пыль в лучах прожектора	6
Глава 1: Скользящий Эдди	7
Глава 2: Бумажный тигр	9
Глава 3: Синдром самозванца	11
Глава 4: Призраки в архиве	13
Глава 5: Кодекс брата	16
Глава 6: Липовый Линди	19
Глава 7: Цена славы	22
Глава 8: Крестный отец	25
Глава 9: Точка невозврата	28
Глава 10: Исповедь	31
Глава 11: Тени прошлого	34
Глава 12: Мёртвый сезон	37
Глава 13: Игра с тенью	39
Глава 14: Наследство Линдена	41
Глава 15: Липовый покой	43
Глава 16: Гость из прошлого	45
Глава 17: Следы на снегу	47
Глава 18: Медовый месяц в Цюрихе	49
Глава 19: Лицом к лицу	51
Глава 20: Последний аккорд	53
Глава 21: Под солнцем Тосканы	55
Глава 22: Тени в оливковой роще	57
Глава 23: Старый знакомый	60
Глава 24: Синдром Липового Линди	62
Глава 25: Красная папка	64
Глава 26: Судный день	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Стивен Марш ЛИПОВОЕ ДЕЛО

Глава

Название книги: «Липовое дело»

Главный герой: Эдди Линден (в будущем взявший псевдоним «Липовый Линди»).

Сеттинг: Филадельфия, конец 1990-х – начало 2000-х.

Пролог: Пыль в лучах прожектора

Наши дни. Черно-белое изображение, зернистая пленка.

Тесто для корицы лежит на столе серой, безжизненной массой. Руки Эдди Линдена, больше не униженные дешевыми перстнями, а сухие и потрескавшиеся, механически раскатывают его скалкой. Дзынькает таймер духовки. В закулочной торгового центра пахнет сахарной пудрой и хлоркой.

Эдди поднимает глаза — за окном пустынная парковка, залитая слепящим небрасским солнцем. Никакой рекламы, никаких кричащих пиджаков. Только тихое шипение старого телевизора над стойкой с корицей. Показывают рекламу адвоката по автоавариям. Слишком громкий, слишком фальшивый. У Эдди дергается уголок рта — тень прежней усмешки.

Менеджер, прыщавый юнец, бросает ему:

— Линден, убери форму, твоя смена кончилась.

Эдди покорно кивает. В подсобке он садится на перевернутый ящик. Достает из кармана фартука старый, потертый кошелек. Внутри — не деньги, а сложенная вчетверо фотография. Он смотрит на нее долго, невидящим взглядом. На фото — красивая женщина с острым подбородком смеется, прикрывая рот рукой. Сзади надпись выцветшими чернилами: «Ты справишься, Липовый Линди».

Он хотел бы посмотреть видео. Хотел бы снова увидеть движение, услышать *тот* голос. Но нельзя. Даже одна кассета, даже десять секунд эфира — и сигнал запеленгуют. Он знает, как работает система. Он сам учил других замечать следы.

Эдди Линден поправляет седые волосы, некрашенные, зализанные назад. Превращение завершено. Великий аферист растворился в сахарной пудре, боясь поднять голову. Но когда он смотрит в объектив камеры наблюдения, висящей под потолком, его глаза на секунду вспыхивают. Это взгляд загнанного зверя, который выжил. И в этом взгляде — не только страх, но и вызов.

Глава 1: Скользящий Эдди

Десятью годами ранее. Филадельфия.

Пол в зале суда округа Кук был покрыт линолеумом цвета детской неожиданности. Эдди Линден стоял за конторкой защиты и чувствовал, как под мышками расплзаются мокрые круги. Костюм, купленный в «Армии спасения», имел цвет перестоявшего авокадо и пах нафталином. Настоящий язык не поворачивался назвать это «костюмом». Скорее, это был крик о помощи, пошитый из полиэстера.

— Мистер Линден, — судья Фелпс, старик с бровями, похожими на двухдохлых мышей, устало постучал молотком. — Ваш подзащитный обвиняется в том, что разбил стекло, проник в частную собственность и справил нужду в аквариум редких цихлид. Вы настаиваете на «невиновности»?

Эдди бросил взгляд на своего клиента — имбецильного вида парня в футболке с надписью «Пивная йога». Парень радостно кивал головой в такт несуществующей музыке.

— Ваша честь, — Эдди выскочил из-за стола, растягивая лицо в свою самую обаятельную улыбку. Зубы были идеально ровными — единственное, на что он не пожалел денег. — Закон ясен. Проникновение должно быть преступным. Мой клиент не «проникал». Он заблудился. Он думал, что это общественный туалет, и глубоко сожалеет о трагической гибели... э-э... рыбки номер три.

Прокурор, холеная блондинка, даже не подняла головы от бумаг.

— Он разбил стекло кирпичом, мистер Линден. И украл аквариумную кормушку.

— Он пытался спасти рыбок от духоты! — не моргнув глазом выпалил Эдди. — Посмотрите на него. Разве это лицо преступника? Это лицо герпетолога-любителя в состоянии аффекта.

Судья устало потер переносицу. Эдди чувствовал, что проигрывает, что тонет в этом болоте абсурда. Все эти «публичные защитники» были обречены. Им платили копейки, их презирали копы, судьи и даже собственные клиенты.

После заседания — условный срок, возмещение ущерба в 800 долларов за «моральные страдания рыбок», — Эдди вышел на холодное филадельфийское солнце. В кармане лежал чек на его гонорар: 700 долларов. Минус аренда каморки, минус долги... На жизнь оставалось примерно ничего.

Он приехал в офис. Офисом служила подсобка вьетнамского маникюрного салона. За стеной perpetually жужжали бормашины и пахло ацетоном. На раскладном столе лежала табличка: «Эдвард Линден, адвокат по уголовным делам».

Единственным украшением кабинета был постер в рамке — фотография старшего брата, Маркуса Линдена. Маркус в мантии, с серьезным лицом, пожимает руку губернатору. «Юридический гений», «Гордость Филадельфии», «Совесть фирмы “МакКензи и Линден”». Эдди смотрел на фото, и во рту появлялся кислый привкус. Не зависть. Отчаяние. Брат никогда не пустил бы его в свой мир больших денег и светлых кабинетов. Для Маркуса он навсегда оставался «Скользящим Эдди», позором семьи, лжецом.

Телефонный звонок разорвал тишину.

— Линден слушает, — рявкнул он, ожидая очередного алкаша, попавшегося на краже ветчины.

— Эдди? Это Кэсси.

Голос в трубке заставил его мгновенно расслабиться. Кэсси Холт. Она работала в юридической библиотеке. Умная, саркастичная, с вечно растрепанным пучком рыжих волос, заколотых карандашом. Его тайная вера в человечество.

— Ты забыл про обед, — сказала она. — Ты опять судился с реальностью и проиграл?

— В ничью, — улыбнулся Эдди. — Рыбки удовлетворены.

— Зайди вечером. Я достала записи процесса «Беннет против страховой». Там есть интересный прецедент насчет скользящей ответственности. Тебе нужно посмотреть, если хочешь вылезти из этого дерьма.

— Ты мой единственный сообщник, который не требует доли в добыче, — сказал Эдди с теплотой, на которую был способен.

— Я беру плату едой. Купи пищи. И, Эдди... — она замялась. — Твой брат выступал сегодня в суде. Его показывали по новостям. Я записала кассету. Если хочешь...

Эдди повесил трубку. Он не хотел смотреть на Маркуса, вещающего о морали и букве закона. Ему нужно было дело. Серьезное дело, которое вытащит его из этого вонючего маникюрного рая.

И, как это часто бывает в жизни, дьявол услышал его молитвы раньше, чем бог.

Глава 2: Бумажный тигр

Через три дня в «офис» Линдена ввалился не просто клиент. Ввалился подарок судьбы. Мужчина лет пятидесяти, в дорогом кашемировом пальто, которое кричало «я украл пенсию у сотни стариков». Его звали Артур Бреннан. Владелец сети хосписов «Солнечный закат».

Проблема была проста и отвратительна: Бреннана обвиняли в мошенничестве с Medicare. Он выставлял счета за мертвых пациентов, закупал просроченные лекарства и перепродавал их по цене золота.

— Мне нужна агрессивная защита, — Бреннан брезгливо оглядел peeling потолка, с которого свисали сухие нити вьетнамского лака. — Мои основные юристы советуют сделку со следствием. Но я не сяду. Я слышал, вы, Линден, умеете находить... лазейки. Вы готовы испачкать руки?

Эдди сидел, закинув ноги в стоптанных кожаных мокасинах на стол. Он чувал деньги. Серьезные деньги. Сто двадцать тысяч долларов гонорара — сумма, от которой у него пересохло в горле.

— Мистер Бреннан, — лениво протянул Эдди. — «Испачкать руки» — это для мойщиков посуды. Я же предлагаю вам хирургическую операцию. Мы просто поменяем перчатки.

Эдди взял папку с обвинительным заключением. Оно было безупречным. Свидетели, бумаги, подписи. Брат сказал бы: «Ты должен убедить его сдаться, это чудовище». Но брата здесь не было. Была только Кэсси, которой он вечером с восторгом рассказывал о деле, и которая, поджав губы, спросила: «Ты уверен, что хочешь защищать человека, который воровал обезболивающее у умирающих?»

Эдди тогда отшутился: «Абсолютно не существует. Есть только процент вероятности».

Целую неделю Эдди жил в библиотеке, среди пахнущих плесенью сводов законов. Он искал не истину. Он искал трещину. И нашел. В самом конце тома «Санитарных норм штата Пенсильвания, параграф 409, пункт 12-б». Понятие «субъективной оценки критического состояния пациента». Проще говоря, если пациент в момент подачи счета еще не был официально объявлен мертвым патологоанатомом, а лишь «клинически угасшим» по мнению медсестры, то начисление средств могло считаться бюрократической ошибкой, а не мошенничеством.

Это была чушь. Это была софистика. Но это была лазейка, достойная великого афериста.

— Они не смогут доказать злой умысел! — кричал Эдди в трубку Бреннану, расхаживая между стиральными машинами в подвальной прачечной (там был самый устойчивый сигнал). — Мы завалим их сотнями ходатайств об уточнении времени смерти! Мы превратим суд в балаган из медицинских карт! Присяжные уснут, прокурор повесится, а судья просто закроет дело, чтобы не сойти с ума. Это будет моя «Липовая оборона»! Дадим каждому пациенту по два дня призрачной жизни за счет государства.

— Вы сумасшедший, Линден, — прохрипел Бреннан с благоговейным ужасом.

— Нет, что вы. Я адвокат, — поправил его Эдди. — И вы мне должны сто двадцать штук.

На предварительных слушаниях Эдди Линден блистал. Он размахивал бумагами, рассыпал медицинские термины, путал свидетелей обвинения. Прокурор, молодой человек с ямочками на щеках, смотрел на него с ужасом, как на сбежавшего из зоопарка мандрила. Эдди превратил трагедию умерших стариков в скучнейший бухгалтерский диспут. Он нагло, беспринципно топил правду в бумажной волоките. И это работало.

Дело «Штат против Бреннана» стало местной сенсацией. Об Эдди заговорили. Его фотография даже появилась в газете — правда, на задворках, в рубрике «Самые грязные трюки месяца». Он вырезал эту заметку и приклеил скотчем к стенке туалета в маникюрном салоне.

Окрыленный, с чеком на первый транш в кармане (20 тысяч!), Эдди примчался к Кэсси. Он ворвался в ее тихую библиотеку, словно вихрь, схватил в охапку и закружил.

— Я сделал это! Кэсси, ты видела?! Я порвал их на британский флаг!

Кэсси вывернулась, поправила растрепанные волосы.

— Я видела, Эдди, — тихо сказала она. — Ты был великолепен. И омерзителен. Ты оправдал человека, который убил надежду у сотен семей.

— Я оказал ему юридическую помощь! — запальчиво возразил Эдди, чувствуя, как эйфория сдувается.

— Ты подал им дерьмо на блюде и сказал, что это шоколадный мусс. В этом весь ты. Когда ты перестанешь пытаться впечатлить мертвеца?

— Какого мертвеца? — не понял Эдди.

— Своего брата, — отрезала Кэсси. — Маркусу плевать на твои победы. Он никогда не признает тебя, потому что ты играешь грязно. Но еще хуже то, что ты сам не можешь признать себя без его одобрения.

Она сунула ему в руки старую видеокассету. Эдди почувствовал резкий укол вины. Не за Бреннана. За себя.

Вечером он сидел в своей каморке и смотрел запись. Маркус Линден стоял на ступенях суда и давал интервью о каком-то прецеденте в Верховном суде. Безупречный костюм, чеканный профиль, ледяной взгляд. Журналист спросил: «Мистер Линден, как вы относитесь к тому, что ваш брат, Эдвард, ведет скандальное дело Бреннана?»

Маркус не поморщился, не улыбнулся. Просто посмотрел прямо в камеру, и Эдди показалось, что брат смотрит сквозь экран прямо ему в душу.

— Я не комментирую действия лиц, чьи методы не имеют ничего общего с законом. Моему брату стоило бы выбрать другую профессию. Например, конференсье в дешевом кабаре. Или продавца подержанных автомобилей. Там его таланты были бы уместны.

Кассета кончилась. Экран покрылся рябью снега. Эдди не дышал. Одиночество накрыло его с головой. Он разорвал газетную вырезку в клочья. Но запихнул деньги в ящик стола. Он докажет Маркусу. Чего бы это ни стоило.

Глава 3: Синдром самозванца

Деньги — странная штука. Они не снимают боль, но действуют как отличная анестезия. Эдди переехал из маникюрного салона в нормальное помещение. В здании был лифт, который иногда даже работал. На двери красовалась скромная золотая табличка: «Эдвард Линден. Адвокат».

Но самый главный улов требовал не денег, а статуса. И случай подвернулся.

В кабинет, застенчиво стуча, вошла пожилая женщина в старомодной шляпке, похожей на увядший пион. Айрин Дэниелс. Она была из числа «пенсионеров Сандайвера» — сообщества стариков, которых Эдди искренне любил и которым помогал составлять завещания за чисто символическую плату. Айрин держала в руках коробку из-под обуви.

— Мистер Линден, — прошелестела она. — Я в отчаянии. Дом престарелых «Сандридж Лайф» выселяет нас. Меня, мистера О'Бэннона, всех... Они говорят, мы задерживаем квартплату, но это ложь!

Эдди взял папку. Из коробки посыпались квитанции, чеки, каракули, набросанные дрожащей рукой. Это был запутанный клубок бухгалтерских махинаций, где пенсионерам начисляли проценты за воздух.

Он видел два пути. Первый: классический групповой иск. Скука. Бумажки на год вперед. Денег — ноль, суды с юристами корпорации. Второй...

— Миссис Дэниелс, — Эдди подсел к ней ближе, его глаза загорелись знакомым азартным огнем. — А что, если мы не пойдем в суд?

— А куда же? — удивилась старушка, поправляя очки.

— Мы устроим им суд народный. Точнее, суд их собственной жадности. Это дело мы будем вести не ордерами, а кастрюлями.

Идея была безумной и гениальной. Жилой комплекс «Сандридж Лайф» принадлежал крупной инвестиционной компании, которая сейчас вела переговоры о слиянии с японцами. Любая публичная истерика могла сорвать сделку.

Эдди вооружил свой «пенсионный спецназ» всем необходимым. На следующий день дряхлые, но боевые старики и старухи вышли к парадному входу головного офиса корпорации с самодельными плакатами: «Мы не ваши мертвые души!», «Отдайте наши сбережения!». Эдди, надев свой лучший фиолетовый пиджак, собрал прессу, включая телевизионщиков с канала «Action 5 News».

— Леди и джентльмены! — вещал он в объективы камер, стоя на фоне инвалидных колясок и кастрюль, в которые били ложками. — Вы видите агонию справедливости! Корпоративные акулы выбрасывают на улицу героев войны и учителей! Я, Эдди Линден, буду драться как лев, пока... пока мои подопечные не получат свои кастрюли с деньгами обратно!

Репортаж вышел скандальный. Эдди кривлялся, врал, преувеличивал убытки в десять раз. Но он делал это ради Айрин, а не ради денег. Это было его искупление за Бреннана. И это было чертовски весело.

Юристы «Сандридж» сдались через два дня. Они согласились на мировую: списать все фиктивные долги, оставить жильцов в покое и выплатить компенсацию за «причиненное неудобство» без признания вины.

Победа! Чистая, безоговорочная. Вечером в актовом зале дома престарелых гремел патефон. Старики танцевали фокстрот, Эдди пил дешевый пунш и чувствовал себя почти святым. Айрин подошла к нему, сжимая в руках конверт.

— Мистер Линден, вы чудо. Мы не можем заплатить вам столько, сколько стоят такие адвокаты, но мы собрали... кто сколько мог. Тут немного.

Эдди открыл конверт. Внутри лежали мятые купюры по одному и пять долларов. И записка детским почерком: «Спасибо, что не дал умереть на улице». Он зажмурился. Отказаться? Конечно нет. Он взял символическую сотню, а остальное сунул обратно в сумочку Айрин.

— Купите новые пластинки, — сказал он, шмыгнув носом. — Только Элвиса не берите, от него радикулит.

Выйдя на крыльцо, он вдохнул прохладный воздух. На душе было легко. Возможно, впервые за долгие годы. Возможно, этого хватит, чтобы измениться? Возможно, он сможет быть просто «хорошим парнем Эдди»?

В этот момент зазвонил телефон. Номер был незнакомый, на экране высветилось: «Таксофон».

— Алло?

— Линден? Это Ховард Уинтерс, — голос был сухим и напряженным. Уинтерс был правой рукой Маркуса, старшим партнером в фирме брата. — Твой перформанс с пенсионерами видели все. Это было... впечатляюще.

Эдди самодовольно ухмыльнулся: «Неужели Маркус смягчился? Неужели старый сноб решил позвать меня в семейный бизнес?».

— Уинтерс, если вы насчет сотрудничества, то у меня плотный график, но я могу выкроить окошко за ужином в «Барклае», — начал он свою обычную браваду.

— Заткнись и послушай, — оборвал его Уинтерс. — Твое дело с Бреннаном. Ты выиграл на «мертвых душах» и бюрократической ошибке. Это было умно. Слишком умно. Откуда ты узнал про санитарные нормы параграфа 409? Ты вообще не специализировался на медицинском праве.

Эдди почувствовал, как сердце пропустило удар.

— Я хожу в библиотеку. Там есть книги. Знаете, такие штуки без кнопок.

— Не паясничай, — в голосе Уинтерса послышалась сталь. — У нас тут проблема. Кто-то сдал твою стратегию Бреннана конкурентам. В фирме утечка. И единственный посторонний, который копал эту тему, — ты.

— Это бред! — взорвался Эдди. — Я сам придумал эту защиту! Я ночами не спал, пока вы там лощеные пили виски в клубе!

— Твой брат в бешенстве, Линден. Он считает, что ты рылся в его бумагах. Что ты украл интеллектуальную собственность фирмы, чтобы отмазать преступника. Не приходи в офис. Не звони. Если подтвердится... Маркус сказал, что лично проследит, чтобы тебя лишили лицензии. Навсегда.

Гудки. Короткие, безжалостные гудки. Эдди стоял под фонарем, сжимая телефон так, что побелели костяшки пальцев. Вся радость от вечера с пенсионерами превратилась в пепел. Внутри закипала знакомая смесь обиды и ярости. Синдром самозванца ударил по нему с новой силой. Значит, всё, чего он достиг, — плод воровства? Значит, он не юрист, а просто жалкий воришка?

Он поднял голову к темному небу Филадельфии. Где-то там, в сияющих небоскребах, его брат уже выносил приговор. Эдди Линден снова загнали в угол. И, как учил его весь предыдущий опыт, в углу он становится наиболее опасным.

Он не знал, что делать: бежать к брату и унижаться, доказывая свою невиновность, или... ответить ударом на удар? И что за тень по имени Уинтерс нависла над их семьей? Сможет ли Кэсси, его рыжеволосая совесть, спасти его от самого себя на этот раз?

Глава 4: Призраки в архиве

Ночь после звонка Уинтерса Эдди провел без сна. Он сидел в своем новом, еще пахнущем краской офисе и курил одну сигарету за другой, чего не делал со времен юридической школы. Пепельница — жестяная банка из-под газировки — быстро наполнилась окурками, похожими на сломанные зубы. Мысли метались, как крысы в лабиринте: брат, Уинтерс, параграф 409, Бреннан, Кэсси. Кассета с записью интервью Маркуса валялась на столе, и Эдди несколько раз порывался разбить ее каблуком, но всякий раз останавливался.

Около трех часов ночи он не выдержал и набрал номер Кэсси. Она сняла трубку после первого же гудка, словно ждала.

— Я разбудил тебя? — хрипло спросил Эдди.

— Я не спала. Перебирала дела по твоему Бреннану. Пыталась понять, что могло утечь и откуда, — голос у Кэсси был сосредоточенный, деловитый. — Ты звучишь так, будто проглотил гвоздь.

— Меня подставили, Кэсси. Брат считает, что я залез в его святая святых и украл идею. А я даже не знаю, где находится их сраный архив.

— Значит, надо выяснить.

Она приехала через сорок минут на стареньком «вольво», привезя с собой термос с кофе и папку с распечатками. Они устроились на продавленном диване в углу кабинета, и Кэсси разложила на журнальном столике схему.

— Я проверила все твои перемещения за последний месяц, — начала она, втыкая в карту города булавки с цветными головками. — Библиотека, суд, хоспис Бреннана, дом престарелых «Сандридж», прачечная, закусочная «У Фрэнка». И ни разу — офис «МакКензи и Линден». Ты даже близко к их небоскребу не подходил.

— Это и ежу понятно, — буркнул Эдди. — Меня туда на порог не пускают. Но Уинтерс сказал, что Маркус уверен. Значит, они что-то нашли. Или сфабриковали.

Кэсси задумчиво прикусила колпачок ручки. Рыжие волосы, как всегда, торчали в разные стороны, и Эдди вдруг почувствовал острый прилив нежности, смешанной с отчаянием. Она была единственным человеком, которому он верил безоговорочно.

— Есть один вариант, — медленно произнесла Кэсси. — Я работала в их библиотеке три года назад, до того как перешла в публичную. У меня сохранился гостевой пропуск. Он просрочен, но система безопасности в «МакКензи» — дырявое решето. Если пробраться туда ночью, можно попасть в архив. Там хранятся все внутренние меморандумы, переписка партнеров, черновики стратегий. Если твоя защита Бреннана действительно была украдена из фирмы, должны остаться следы.

Эдди уставился на нее круглыми глазами. Он ожидал чего угодно — сочувствия, обещаний, предложения напиться, — но не плана по взлому и проникновению в святая святых брата.

— Ты хочешь, чтобы мы вломились в офис к Маркусу? — переспросил он.

— Мы не будем ничего ломать. Просто войдем, посмотрим и выйдем. Это не кража, Эдди. Это поиск истины.

— Истина, говоришь... — он нервно хохотнул. — Кэсси, ты самая опасная женщина из всех, кого я знаю. Я обожаю тебя.

Он схватил ее за руку и поцеловал в висок. И впервые за эту кошмарную ночь ему стало чуть легче.

Два дня ушло на подготовку. Кэсси достала старый пропуск и подделала дату с помощью ламинатора, утащенного из библиотеки. Эдди, в свою очередь, раздобыл у одного из своих бывших клиентов — медвежатника со стажем — набор отмычек и миниатюрный фонарь, замаскированный под ручку. Все это напоминало ему былые времена «Скользкого Эдди», когда он проворачивал аферы в барах и на ипподромах, и, признаться честно, вызывало пьянящий, почти забытый азарт.

В ночь на субботу, когда деловой центр Филадельфии вымер, они припарковались за два квартала от небоскреба «МакКензи и Линден». Здание из стекла и стали вздымалось вверх, как колосс на глиняных ногах. Эдди глянул на окна двадцатого этажа — там, за тонированными стеклами, вершились судьбы. Судьба его брата. И, возможно, его собственная.

Кэсси провела просроченным пропуском по считывателю служебного входа. Замок щелкнул и загорелся зеленым. Она выдохнула:

— Я же говорила. Дырявое решето.

Они скользнули внутрь, стараясь не шуметь. Ночной охранник дремал в вестибюле перед мониторами — Эдди знал это расписание благодаря все тому же медвежатнику, который когда-то работал в этом здании грузчиком. Лифт не работал на верхние этажи без специального ключа, поэтому они поднялись по пожарной лестнице пешком. Двадцать этажей в полной тишине, лишь шум собственного дыхания и стук сердца в висках.

Архив располагался в цокольном крыле, примыкавшем к библиотеке. Дверь была заперта на электронный замок, но Кэсси подключила к нему какой-то приборчик, напоминающий калькулятор, и через минуту замок сдался с мелодичным пискотом.

— Откуда у библиотекаря такие таланты? — прошептал Эдди.

— Работа скучная, а курсы по хакингу — увлекательные, — парировала она.

Внутри пахло старой бумагой, пылью и чем-то химическим — то ли клеем, то ли чернилами для принтера. Стеллажи уходили под потолок, забитые коробками с маркировкой. Кэсси быстро нашла нужную секцию: «Дела партнеров. Линден М.». Маркус Линден.

Эдди замер. Открыть эту коробку значило пересечь черту. Когда-то он поклялся себе, что больше никогда не будет рыться в чужих вещах, доказывая всем, что стал другим человеком. Но сейчас выбора не оставалось.

Они начали перебирать папки. Протоколы совещаний, копии исков, счета. И вдруг — желтая папка с грифом «Конфиденциально. Анализ стратегии защиты по делу “Штат против Бреннана”». Дата стояла тремя днями раньше, чем Эдди впервые озвучил свою идею о параграфе 409.

У него похолодели пальцы. Он раскрыл папку. Внутри лежал меморандум за подписью Ховарда Уинтерса, адресованный Маркусу. Текст гласил:

«Маркус, ознакомься. Твой брат вновь суетится вокруг отбросов общества. Этот Бреннан — мешок с деньгами. Прилагаю возможные линии защиты, которые могут прийти в голову такому проходимцу, как Эдвард. Рекомендую упредить его действия и использовать аналогичную стратегию для нашего клиента в смежном процессе (дело “Олдбридж Инвестментс”). Если Линден-младший выиграет на “мертвых душах”, мы выиграем вдвойне. Параграф 409 СанПиН — идеальная лазейка. Прошу утвердить».

У Эдди помутилось в глазах. Он не крал идею. Они украли ее у него — еще до того, как он ее придумал. Уинтерс просто спрогнозировал ход мыслей «проходимца» и хотел украсть идею для своего корпоративного клиента. Но то ли Маркус не утвердил, то ли что-то пошло не так — в любом случае, теперь они использовали этот документ, чтобы обвинить его в воровстве.

— Вот же гнида, — прошептал он, сжимая бумагу.

Кэсси заглянула через плечо и побледнела.

— Эдди, тут есть пометка Маркуса. Смотри.

На полях меморандума было написано от руки, явно нервным, ломаным почерком Маркуса: «Ховард, не смей. Это мой брат. Я запрещаю использовать его методы. М.Л.»

Но ниже, другим, более поздним почерком — уже не таким твердым, с дрожащими линиями, — приписка: «Впрочем, чему я удивляюсь? Скользкий Эдди всю жизнь таскал из моего кармана. Проверь, не рылся ли он в моих документах. М.»

— Он подозревал меня задолго до Бреннана, — глухо сказал Эдди. — Но сначала защитил. А потом... что это за вторая пометка? Почерк больной. Ты видишь?

Кэсси пригляделась. Она была экспертом в почерковедении — одно из ее многочисленных хобби.

— У Маркуса либо очень сильно дрожали руки, либо... это писал человек в состоянии сильнейшего стресса или неврологического расстройства. Буквы плывут, нажим неравномерный. Эдди, твой брат, возможно, болен.

Эдди отшатнулся. Его брат — непогрешимый, холодный, стальной Маркус — болен? Немошен? В голове пронеслась картинка из детства: старший брат, здоровый, румяный, учит его, мелкого, запускать воздушного змея. Тогда Маркус еще любил его.

— Уходим, — прошептала Кэсси, потянув его за рукав. — Мы нашли, что искали. Здесь нельзя оставаться.

Эдди сфотографировал документы на телефон — старенькую «Нокию», которую он не променял бы ни на что, — и они покинули архив тем же путем. Спускаясь по лестнице, он чувствовал, как внутри закипает черная, удушающая ярость. Не на брата. На Ховарда Уинтерса, который играл людьми, как пешками. И на себя — за то, что всю жизнь бежал от репутации вора, а в итоге все равно оказался обокраденным.

На улице их встретил холодный предрассветный ветер. Кэсси обняла Эдди, прижалась к его плечу.

— Ты не виноват, — сказала она. — Ты слышишь? Ты не вор.

— Я знаю, — соврал Эдди. Потому что пальцы все еще помнили тяжесть отмычек, а в груди теплилось самое опасное чувство: желание ответить. — Но я еще покажу им, кто такой Липовый Линди.

Глава 5: Кодекс брата

Прошла неделя. Эдди не звонил Маркусу, не отвечал на звонки Уинтерса, который пытался прощупать почву, делая вид, что ничего не произошло. Вместо этого он, как одержимый, собирал информацию. Кэсси подняла все возможные медицинские записи (разумеется, неофициально) и выяснила, что Маркус Линден полгода назад консультировался у лучшего невролога штата. Диагноз не разглашался, но один медбрат, задолжавший Эдди услугу за успешную защиту по делу о краже в аптеке, шепнул по секрету: «Ранняя стадия деменции с тельцами Леви. Прогрессирующая. Иногда — паранойя, галлюцинации, резкие перепады настроения».

Эдди выслушал это, стоя на заплеванной автобусной остановке, и впервые за долгое время почувствовал не ярость, а свинцовую тяжесть вины. Брат угасал. А он, Эдди, вместо того чтобы быть рядом, вынашивал планы мести.

В субботу утром, набравшись храбрости, он сел в машину и поехал в пригород, где в особняке за высоким забором жил Маркус. Этот дом он помнил с юности, но бывал в нем всего дважды — и оба раза как незваный гость. Сегодня он не стал звонить в ворота, а просто вошел через незапертую калитку для садовника и подошел к задней двери, ведущей на кухню.

В доме стояла гулкая, нежилая тишина. Запах антисептика смешивался с ароматом старой мебели. Он прошел через пустую гостиную с камином, облицованным мрамором, и замер. В кабинете, спиной к нему, сидел Маркус. Он был один, в домашнем халате, перед включенным монитором компьютера, на котором светилась заставка с логотипом «МакКензи и Линден». Но он не работал — он просто смотрел в одну точку, слегка покачиваясь.

Эдди кашлянул.

— Маркус.

Брат вздрогнул и резко обернулся. Эдди поразились переменам: всегда безупречно выбритое лицо заросло седой щетиной, глаза ввалились, а под ними залегли глубокие синие круги. Но взгляд оставался ясным, цепким — по крайней мере, в эту секунду.

— Эдвард... — голос был хриплым, но не враждебным. — Ты пришел. Ховард говорил, что ты скрываешься.

— Ховард много чего говорит, — Эдди прошел в кабинет и без приглашения сел на стул напротив брата. — Я пришел не для того, чтобы оправдываться. Я пришел сказать, что знаю про твою болезнь.

Маркус дернулся, как от удара током. Рука, лежавшая на столе, заметно задрожала, и он поспешно убрал ее под стол.

— Болезнь? — переспросил он, пытаясь изобразить презрение. — Ты вздумал меня разжалобить, мелкий мошенник? Придумал сказку про больного брата, чтобы я забыл, как ты обокрал мою фирму?

— Я не воровал твой параграф 409, Маркус! — Эдди подался вперед. — Я сам до него допер, ночами сидел в библиотеке! А вот Уинтерс знал о нем еще до того, как я открыл рот! У меня есть доказательства. Он составил меморандум, где предлагал украсть мою будущую стратегию для другого клиента. Ты сам написал на нем: «Я запрещаю». А потом, дрожащей рукой, обвинил меня в краже. Ты помнишь это, Маркус? Помнишь?!

Маркус застыл. Его глаза заматались, словно он пытался поймать ускользающую мысль. Потом он вдруг как-то обмяк и провел ладонью по лицу — жестом бесконечно усталым и беззащитным.

— Я... я не помню второй записи, — прошептал он. — Совсем не помню. Но я помню, как Ховард принес мне эту папку. Помню, как сказал, что ты рылся в моем столе. И я поверил. Потому что это так на тебя похоже, Эдвард. Ты всю жизнь был... скользким.

Эдди проглотил горький ком.

— Я скользкий, да. Но я не ворую у своих. Никогда не воровал, — он сунул руку в карман и вытащил смятую распечатку меморандума. — Посмотри. Вот твой почерк. Вот твое «не смей». А вот — уже больное, дрожащее продолжение. Ты не верил, что я могу быть честным. Но первая твоя реакция была правильной. Ты защитил меня. Пусть мысленно, но защитил. А потом Уинтерс воспользовался твоей... твоим состоянием, чтобы убедить тебя в обратном.

Маркус долго вглядывался в бумагу, шурясь и поднося лист к самым глазам. Потом уронил его на стол и закрыл лицо ладонями. Плечи его затряслись. Эдди с ужасом понял, что старший брат, его недостижимый идол и мучитель, плачет. Тихо, беззвучно, по-стариковски.

— У меня деменция, — сказал Маркус глухо. — Мозг превращается в труху. Иногда я просыпаюсь и не помню, какой сейчас год. Иногда мне кажется, что ты все еще мелкий сорванец, который стащил у меня десять долларов на бейсбольные карточки. А потом — что ты матерый преступник, которого нужно остановить. Ховард... он помогает мне скрывать это от партнеров. Но он же и пользуется моими провалами. Подсовывает бумаги, которые я подписываю не глядя. Я стал его марионеткой, Эдвард.

Эдди ощутил, как земля уходит из-под ног. Все обиды, вся ревность, все детские слезы, выплаканные в подушку из-за холодности брата, вдруг сжались в тугой комок и рассыпались прахом. Перед ним сидел не титан, не судья, не божество. Умиравший, испуганный человек.

— Почему ты не сказал мне? — тихо спросил Эдди. — Я мог бы помочь.

— Ты? — Маркус горько усмехнулся. — Ты всю жизнь боролся с системой. А я был частью этой системы. Я думал, ты будешь рад моему падению. Скажешь: «Так тебе и надо, старый дурак».

— Я так никогда бы не сказал, Маркус. Ты мой брат. Единственный.

Маркус поднял на него глаза, и в них впервые за долгие годы мелькнуло что-то похожее на прежнюю, забытую теплоту. Он протянул дрожащую руку через стол. Эдди, сглотнув, пожал ее. Ладонь брата была сухой и ледяной.

— Ховард готовит документы на лишение тебя лицензии, — сказал Маркус. — Он воспользуется моей подписью. Я уже не смогу давать показания в суде — любой адвокат размажет меня за минуту. Ты должен остановить его.

— Как? — спросил Эдди.

— Уничтожь его, — прошептал Маркус. — Сделай то, что я не успел. Я всю жизнь учил тебя, что закон — это святыня. Но правда в том, Эдди... что закон — это дубина в руках того, кто сильнее. Если ты не научишься ей орудовать, тебя раздавят. А ты всегда умел драться грязно. Я презирал тебя за это. Но сейчас... я прошу тебя — сжульничай. Ради меня.

Эти слова ударили в самое сердце. Всю жизнь Маркус твердил, что честность — единственный путь. И вот теперь, на краю бездны, он давал Эдди отпущение грехов. Разрешение стать тем, кем Эдди всегда боялся быть.

Они проговорили до вечера. Маркус рассказывал о своем страхе, о том, как хотел позвонить Эдди десятки раз, но гордость не позволяла. Эдди слушал, иногда смеялся, иногда молчал. Под конец, когда за окном сгустились сумерки, Маркус уснул прямо в кресле, утомленный разговором. Эдди накрыл его пледом и вышел, стараясь не шуметь.

На пороге он остановился и посмотрел на спящего брата. Грудь Маркуса мерно вздымалась и опускалась. Он напоминал ребенка — беспомощного и беззащитного. Эдди пообещал себе две вещи: первая — защитить Маркуса от Уинтерса; вторая — никогда не стать таким же черствым истуканом.

Вернувшись в город, он первым делом позвонил Кэсси.

— Я встречался с ним. Это был... самый тяжелый разговор в моей жизни. Но мы помирились. Кажется.

— Я рада за тебя, — искренне сказала она. — И что теперь?

— Теперь, — Эдди улыбнулся в трубку, и улыбка вышла волчьей, — я покажу Ховарду Уинтерсу, что значит тягаться со Скользким Эдди.

Глава 6: Липовый Линди

Мсть — блюдо, которое лучше подавать холодным, но Эдди Линден предпочитал подавать его под соусом из фальшивых документов и телевизионной рекламы. После откровений Маркуса он не мог просто пойти в суд и предъявить меморандум. Уинтерс был слишком хитер: он уничтожит все следы, объявит документ подделкой и упрячет брата в психиатрическую клинику раньше, чем кто-то успеет ахнуть. Тут требовалось нечто более... творческое.

Первым делом Эдди нанес визит своему бывшему клиенту — Лысому Тони, держателю подпольного печатного станка в подвале круглосуточной пиццерии. Тони печатал все: от поддельных водительских прав до дипломов Гарварда. Эдди когда-то отмазал его от обвинения в мошенничестве, доказав, что печатный станок использовался исключительно «для изготовления сувенирной продукции». Теперь настало время платить по счетам.

— Мне нужны визитки, — сказал Эдди, кладя на стол набросок от руки. — И фирменные бланки. Вот такого цвета — ярко-зеленого, как лайм. Название: «Липовый Линди. Адвокат на все случаи жизни». И телефон с новым номером.

— Липовый Линди? — хмыкнул Тони, разглядывая эскиз. — А что, круто звучит. Типа, все вокруг липа, а ты — король липы.

— Именно. И мне нужна будет съемочная группа. Знаешь кого-нибудь?

— Обижаешь, друг. Мой племянник учится на оператора. Снимет тебя хоть в подворотне, хоть на фоне взрыва.

Так началась новая эпоха в жизни Эдварда Линдена — эпоха открытого, наглого, почти театрального мошенничества во имя справедливости. Вместо того чтобы тихо защищать мелких жуликов, он решил стать магнитом для преступного мира, создав себе образ беспринципного, но гениального адвоката, который может решить любую проблему — за наличные и без лишних вопросов. Если Ховард Уинтерс хотел видеть в нем шута, он получит шута. Но такого шута, чьи шутки будут стоять Уинтерсу карьеры.

Первый рекламный ролик «Липового Линди» был снят в том самом гараже, где Тони держал печатный пресс. Сюжет был прост до идиотизма: Эдди в зеленом пиджаке (специально перешитом из занавески для душа) выскакивал из-за угла с криком: «Попались? Подставили? Не звоните адвокату — звоните Линди! Липовый Линди сделает вашу проблему бумажкой!» Далее следовала сцена, где он голыми руками рвал на мелкие кусочки муляж обвинительного заключения, а в конце, сияя голливудской улыбкой, подмигивал в камеру: «Закон — это глина. Я из нее леплю что угодно».

Ролик обошелся в триста долларов и ящик пива. Его показали по единственному кабельному каналу в три часа ночи, но и этого хватило: уже на следующее утро телефон раскалится от звонков. Звонили сутенеры, наркодилеры, мелкие страховые мошенники и просто граждане, которые что-то «нечаянно» уронили в чужую квартиру. Им всем требовался адвокат, который не читает морали. И они нашли его.

Эдди открыл новый офис — уже не над маникюрным салоном, а в бывшей букмекерской конторе, где на стенах еще висели плакаты с лошадьми. Он поставил туда дешевый диван, купленный на распродаже, и нанял секретаршу — разбитную девицу с золотыми зубами по имени Ширли, которая отвечала на звонки и умела охладить пыл даже самых буйных посетителей при помощи бейсбольной биты. Визитки с зеленым логотипом разлетались по городу, как листья в ураган.

Но главной целью оставался Уинтерс. Кэсси, которая теперь официально стала его партнершей и по совместительству главным мозговым центром, разработала план. План был дьявольски изыскан. Уинтерс вел дело крупной строительной компании «Гранит-Сити», обвиняемой в использовании токсичных материалов при возведении школ. Если бы правда всплыла, компанию ждали бы колоссальные иски. Уинтерс уже почти договорился с судьей о засекречивании материалов, а с истцами — о копеечных отступных.

— Мы не пойдем в суд, — заявила Кэсси, раскладывая на столе диаграммы. — Мы устроим информационную войну. Ты же у нас теперь медийная звезда, Липовый Линди. Вот и используй это.

Идея заключалась в том, чтобы записать серию «разоблачительных» репортажей под видом утечки от анонимного источника и пустить их по местному телевидению. Причем так, чтобы следы вели прямоиком в офис Ховарда Уинтерса — точнее, к его секретарше, которая, как выяснила Кэсси, была недовольна задержками зарплаты.

Эдди лично встретился с этой секретаршей, немолодой женщиной по имени Глория, в закусочной «У Фрэнка». Он был сама любезность: купил ей кофе и вишневый пирог, сочувственно покивал, выслушивая жалобы на босса-самодура, и в конце концов предложил сделку.

— Миссис Глория, — промурлыкал он, понизив голос, — вы ведь знаете, где лежат ключи от хранилища. И я подозреваю, что у вас есть доступ к копировальной машине. Мне не нужны оригиналы. Только копии. За это я гарантирую вам годовой оклад вперед — наличными, разумеется. И полную анонимность.

Глория колебалась недолго. Через четыре дня на пороге его офиса стояла картонная коробка с документами, от которых волосы вставали дыбом. «Гранит-Сити» не просто использовала токсины — они знали об этом с самого начала и подкупали инспекторов. Уинтерс покрывал это, подделывая экспертизы.

Эдди собирался не просто сдать Уинтерса властям — это было бы слишком скучно. Он хотел уничтожить его так же, как Уинтерс пытался уничтожить его: публично, унижительно, с помощью той самой рекламы, над которой они смеялись.

Через неделю на экранах Филадельфии появился новый ролик. На этот раз Эдди сидел не в гараже, а в пустом зале суда (арендованном на час для съемок). Он держал в руках стопку бумаг и смотрел прямо в камеру с выражением праведного гнева пополам с глумливой усмешкой.

— Граждане! Вы думаете, закон слеп? Нет, у него есть глаза, и эти глаза смотрят на вас из-за тонированных стекол «МакКензи и Линден», — он помахал документами. — У меня в руках доказательства того, как адвокаты, называющие себя элитой, покрывают отравление ваших детей. Но я, Липовый Линди, — адвокат для настоящих людей. И я не молчу! Смотрите факты на моем сайте. Ховард Уинтерс, если ты меня слышишь: твоя липа засохла, дружок!

Ролик взорвался. Его подхватили все местные каналы, а затем и федеральные новости. Разразился грандиозный скандал. Уинтерса отстранили от ведения дел, а затем и вовсе арестовали по обвинению в подлоге и соучастии в преступном сговоре. Маркуса, как выяснилось, Уинтерс давно отстранил от реальных решений, подделывая его подпись, — поэтому брат оказался вне подозрений и даже приобрел статус жертвы.

Эдди праздновал победу в своем дурацком зеленом офисе с Ширли и Кэсси. Они пили дешевое шампанское из пластиковых стаканчиков и хохотали над тем, как Уинтерс на судебном заседании попытался сослаться на «безупречную репутацию», а прокурор ответил: «Мы видели ролики, мистер Уинтерс. Вы — звезда интернета».

Но среди шума и гама Эдди поймал себя на странном чувстве опустошения. Он посмотрел на свое отражение в темном экране телевизора: растрепанный, в съехавшем набок галстуке, с лихорадочным блеском в глазах. Он был точь-в-точь тот шут из рекламы. Скользкий Эдди победил, но победил, окончательно превратившись в того, кого презирал всю жизнь.

Кэсси, заметив его состояние, подошла и тихо спросила:

— Ты жалеешь?

— Нет, — ответил он после паузы. — Но мне страшно. Страшно, что мне это понравилось. Очень понравилось.

— Это и есть ты, — мягко сказала она. — Может, тебе стоит перестать притворяться кем-то другим?

Он обнял ее, уткнувшись носом в рыжие волосы, но в глубине души уже знал: эта победа — не последняя. Запах легких денег и славы уже кружил голову, а телефон продолжал трезвонить, обещая новых клиентов, новые аферы и новую, темную, манящую жизнь.

Где-то далеко, в доме за высоким забором, Маркус Линден смотрел тот самый выпуск новостей и впервые за долгие месяцы улыбнулся. Его младший брат справился. А какой ценой — об этом он предпочитал не думать. В конце концов, как говорится, в каждом Линдене сидит свой демон. И демон Эдди только начал просыпаться.

Глава 7: Цена славы

Утро после разоблачения Уинтерса началось для Эдди Линдена не с кофе, а с того, что в дверь его нового офиса ломилась целая толпа. Ширли, вооруженная неизменной битой, орала в телефонную трубку сразу двум абонентам, а в приемной яблоку негде было упасть. Кого тут только не было: сутенеры в малиновых пиджаках, нервные домохозяйки, утверждавшие, что их подставили с налогами, пара подозрительных типов в темных очках, напоминавших скорее гангстеров из плохого кино, и даже один клоун — самый натуральный, с красным носом и в ботинках сорок пятого размера, — который утверждал, что его цирк обвиняют в жестоком обращении с животными, хотя на самом деле он просто не уплатил налог на слоновий корм.

— Липовый Линди! — орала со всех сторон. — Спасите! Вытащите! Прикройте!

Эдди, не спавший всю ночь, с красными глазами и в мятой рубашке, выглянул из кабинета и едва не захлопнул дверь обратно. Накануне он чувствовал себя победителем, триумфатором, почти героем. Сегодня — загнанным зверем в собственном логове. Слава, которую он так жаждал, обрушилась на него лавиной, грозя погresti под собой.

— Ширли! — крикнул он. — Записывай всех! Консультация — пятьдесят баксов наличными, предоплата! И скажи клоуну, что слоны идут по двойному тарифу!

Толпа одобрительно загудела. Это вам не скучная контора на двадцатом этаже — тут чувствовалась жизнь, пульсирующая, дикая, незаконная. К десяти утра карман Эдди распух от мятых купюр, а кабинет пропах потом, страхом и дешевым одеколоном. Он чувствовал себя одновременно ростовщиком и священником — исповедовал, отпускал грехи и тут же брал за это мзду.

Но настоящий удар ждал его ближе к полудню, когда толпа схлынула и в дверях возник одинокий посетитель. С виду — ничем не примечательный тип: серый костюм, мышинового цвета волосы, очки в тонкой золотой оправе. Но Эдди, наученный годами вращения в сомнительных кругах, мгновенно учуял опасность. Такие люди не ходят к адвокатам с рекламы — они приходят с конкретными предложениями, от которых невозможно отказаться.

— Мистер Линден? — голос был тихим, почти вкрадчивым. — Меня зовут Виктор Ардженто. Я представляю интересы одного делового сообщества, которое предпочитает оставаться неназванным. Присядьте, пожалуйста. Разговор будет долгим.

Ширли хотела было встать на защиту шефа, но Эдди жестом остановил ее. Он указал гостю на стул, сам уселся в свое скрипучее кресло и нацепил самую обаятельную из своих улыбок — ту, что говорила: «Я весь внимание, но не считайте меня дураком».

— Слушаю вас, мистер Ардженто. Если речь о каком-то деле, сразу предупреждаю: налоги и алименты — это пожалуйста, а вот мокруха — это не ко мне. У меня репутация.

Ардженто едва заметно улыбнулся, и от этой улыбки у Эдди мурашки побежали по спине. Улыбка была вежливой, но совершенно лишенной тепла — так улыбается змея перед броском.

— Репутация — штука хрупкая, мистер Линден. Особенно такая, как ваша. «Липовый Линди» — это бренд, построенный на эпатаже и умении обходить закон. Но любому бренду нужна защита. Мы хотим предложить вам такую защиту. В обмен на некоторые... услуги.

— Какие именно услуги? — Эдди перестал улыбаться.

— Нашим партнерам время от времени требуются юридические консультации. Ничего противозаконного, разумеется. Просто грамотное сопровождение сделок, помощь в таможенных вопросах, иногда — представительство в суде. Мы внимательно следили за вашим триумфом над мистером Уинтерсом. Это была работа мастера. Нам такие люди нужны.

Эдди почувствовал, как внутри что-то сжалось. Он знал, кто такие «партнеры» Ардженто. Филадельфийская мафия, семья Донателло, контролировавшая порт, подпольные

казино и половину грузоперевозок на восточном побережье. До сих пор Эдди имел дело лишь с мелкой рыбешкой. А тут — акулы.

— Допустим, мне это интересно, — осторожно произнес он. — Но я предпочитаю работать сам на себя. Без... крыши.

Ардженто поправил очки и вынул из внутреннего кармана тонкую папку.

— У вас нет выбора, мистер Линден. Видите ли, копаясь под Уинтерса, вы случайно вскрыли кое-какие наши делишки. «Гранит-Сити» была не просто строительной компанией — через нее мы отмывали деньги. А вы вывалили все это в прессу. Конечно, мы успели подчистить хвосты, но ущерб репутации нанесен. И теперь вы нам должны.

Эдди побледнел. Вот оно, обратная сторона медали. Он думал, что сражается с одним врагом, а ударил по целой империи. Теперь эта империя требует сатисфакции.

— Я не знал... — начал он, но Ардженто перебил:

— Разумеется, не знали. Но это не освобождает вас от ответственности. Итак, условия: вы становитесь нашим консультантом на постоянной основе. Никаких контрактов, только устная договоренность. Мы платим вам щедрый ежемесячный гонорар — скажем, пятьдесят тысяч наличными. Взамен вы решаете наши юридические проблемы. И самое главное — вы держите язык за зубами. В противном случае, — он выразительно посмотрел на Ширли, которая нервно теребила битую, — последствия могут быть самыми неприятными. Не только для вас.

Эдди вскочил.

— Угрожаете? В моем же офисе?! Я сейчас вызову полицию!

Ардженто рассмеялся — сухо, словно камешки пересыпал.

— Полицию? Вы? Человек, построивший карьеру на обходе закона? Да любой коп в этом городе только посмеется. Присядьте, Линден. Я предлагаю вам сделку, а не войну. Войну вы проиграете. Подумайте до завтра. Я загляну еще раз.

Он встал, одернул пиджак и направился к выходу. У двери обернулся:

— Кстати, передавайте привет вашему брату. Очень жаль, что такой блестящий ум угасает. Берегите его.

Дверь закрылась, и наступила звенящая тишина. Эдди рухнул в кресло, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Ширли подошла, налила ему стакан воды из графина, который они держали для особо нервных клиентов.

— Босс, это что, мафия? — спросила она с благоговейным ужасом.

— Хуже, Ширли. Это бизнес. Очень серьезный бизнес.

Вечером он рассказал обо всем Кэсси. Они сидели на крыше его офиса — единственном месте, где можно было спокойно поговорить, не опасаясь прослушки. Город внизу мерцал огнями, равнодушный к маленьким человеческим драмам. Кэсси слушала, обхватив колени руками, и лицо ее становилось все мрачнее.

— Ты ведь понимаешь, что это ловушка? — сказала она наконец. — Один раз начнешь на них работать — и уже не слезешь. Они будут держать тебя за горло. И однажды попросят сделать что-то по-настоящему страшное. Ты готов к этому?

— У меня нет выбора, Кэсси! Они угрожают тебе, Маркусу, даже Ширли. Я не могу рисковать вашими жизнями.

— Тогда пойдем в ФБР. Сдадим их.

— И что я им скажу? У меня нет доказательств. Только слова. А слова Липового Линди в суде ничего не стоят. К тому же, — он горько усмехнулся, — я сам теперь по уши в дерьме. Вспомни, как я добывал документы на Уинтерса? Через Глорию, через подкуп. Я нарушил закон, Кэсси. Если начнут копать, меня первого посадят.

Кэсси долго молчала. Потом тихо сказала:

— Я боялась этого. С того самого момента, как ты впервые надел зеленый пиджак. Ты катишься по наклонной, Эдди. И я не знаю, смогу ли я катиться вместе с тобой.

Эти слова ранили больше, чем угрозы Ардженто. Он схватил ее за руки:

— Ты не можешь уйти. Ты — единственное, что удерживает меня на плаву. Без тебя я окончательно превращусь в того монстра, которого все видят.

— Тогда пообещай мне кое-что, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Что бы ни случилось, ты не станешь убийцей. Не станешь помогать им убивать. Что бы они ни предлагали, что бы ни требовали. Поклянись.

— Клянусь, — искренне выдохнул Эдди. И в ту минуту он действительно верил в свои слова.

Но жизнь, как известно, лучший режиссер черных комедий.

Следующее утро началось с того, что в офис ворвался запыхавшийся Тони — тот самый печатник. Он был без шапки, волосы стояли дыбом, и на лбу красовался свежий синяк.

— Эдди, беда! На мой подвал налетели люди Донателло! Все станки разнесли, деньги забрали, а меня предупредили, чтобы я передал тебе привет. Сказали, что это аванс. Если завтра ты не согласишься работать, следующий визит будет к твоему брату.

Эдди застыл. Вот так, без предупреждения, без права на раздумья. Они не дали ему даже суток. Угроза, брошенная в адрес Маркуса, перевесила все моральные терзания.

— Ширли, звони Ардженто. Скажи, что я согласен.

Трубка была поднята. Маховик закрутился.

Через два часа Эдди уже сидел в шикарном ресторане «Калабрезе» — заведение, куда пускали только «своих». За столом напротив расположился человек, которого он меньше всего ожидал увидеть в роли крестного отца: невысокий, полноватый, с добродушным лицом провинциального булочника. Но глаза — холодные, как февральский лед. Сальваторе Донателло собственной персоной. Дон Сэл.

— Рад познакомиться, мистер Линден, — пропел он, помешивая эспрессо. — Я слышал, вы человек талантливый. А талантливые люди нам нужны. Мы не бандиты, как пишут в газетах. Мы — бизнесмены. Просто у нас несколько иные методы конкуренции. И ваш юридический гений пригодится для легализации некоторых наших активов. Никакой крови, только бумаги. Вы ведь любите бумаги?

Эдди машинально кивнул. Ему подали контракт — точнее, не контракт, а просто лист бумаги с перечнем обязанностей, без подписей. Фирменный стиль: никаких улик. Прочитав список, Эдди понял, что это только верхушка айсберга. Помощь в регистрации подставных фирм, составление договоров, прикрывающих нелегальные перевозки, урегулирование споров с «нерадивыми партнерами». За каждое дело — отдельная плата. Суммы поражали воображение.

— А если я откажусь от какого-то конкретного поручения? — спросил он.

Дон Сэл улыбнулся:

— Не советую. Мои люди очень не любят, когда им перечат. Но вы же умный человек, мистер Линден. Вы не станете нас огорчать.

Так Эдди Линден стал адвокатом мафии. В тот вечер он вернулся в свой офис с тяжелым портфелем, набитым деньгами — первым авансом. Ширли встретила его вопросительным взглядом.

— Готовь битую, — мрачно пошутил он. — Мы в игре.

А где-то в пригороде, в тихом особняке, Маркус Линден смотрел запись интервью, которое взяли у его брата местные журналисты. Эдди на экране улыбался и врал про «торжество справедливости», а руки Маркуса дрожали так сильно, что чашка с чаем упала на пол и разбилась. Он не знал о визите мафии, но сердце чувствовало: что-то пошло не так. Очень не так.

Глава 8: Крестный отец

Прошел месяц. Месяц, за который Эдди Линден превратился из чудаковатого адвоката-клоуна в одного из самых влиятельных теневых юристов восточного побережья. Новый офис в престижном районе, костюмы от Армани (правда, по-прежнему ярких расцветок — фиолетовые, изумрудные, канареечные), часы «Ролекс» на руке. Ширли получила прибавку и теперь разгуливала с новеньким маникюром, а Тони снова запустил печатный станок, но уже под «крышей» Донателло.

Но внешний лоск не мог скрыть внутреннего надлома. Каждое утро Эдди просыпался с ощущением, что продал душу. И каждый вечер засыпал, успокаивая себя мыслью, что защищает брата и Кэсси. Это была классическая ловушка соучастия: шаг за шагом, сделка за сделкой, он погружался в трясину, из которой не было выхода.

Первым серьезным делом от Дона Сэла стала легализация сети подпольных покерных клубов. Задача казалась простой: оформить их как «благотворительные турниры по бриджу», собрать пакет документов, подкупить пару инспекторов из игровой комиссии (благо, с этим помогли люди Ардженто). Эдди подошел к делу творчески: он разработал целую систему членских взносов и фиктивных протоколов собраний любителей карточных игр. Все было настолько убедительно, что даже налоговая инспекция, придя с проверкой, осталась довольна. Дон Сэл лично позвонил ему и сказал: «Ты гений, Линден. Добро пожаловать в семью».

Но это «добро пожаловать» означало и новые, более мрачные поручения. Однажды поздно ночью в офис Эдди привезли человека. Это был молодой парень, почти мальчик, с разбитым лицом и диким ужасом в глазах. Его звали Фрэнки Нерво, и он был курьером Донателло. Фрэнки попался на краже: он решил, что может утаить часть денег, вырученных от продажи партии контрабандных сигарет. И теперь его должны были наказать — по законам семьи.

— Мистер Линден, — прохрипел Фрэнки, вцепившись в руку адвоката. — Вы должны мне помочь. Они убьют меня. Я знаю, они убьют.

Эдди смотрел на него, и внутри все переворачивалось. Этот парень был примерно того же возраста, что и он сам, когда начинал свои аферы. Только Эдди всегда умудрялся выскользнуть, а Фрэнки попал в капкан.

— Почему ты не пошел в полицию? — спросил Эдди, хотя знал ответ.

— Вы шутите? Полиция сама у них на откупе. К тому же я сам нарушал закон. Меня посадят. Лучше уж пусть меня... накажут, но не убивают. Умоляю, придумайте что-нибудь!

Эдди думал всю ночь. Законных вариантов не было. Фрэнки действительно проворовался, и по понятиям мафии должен был понести наказание — как минимум лишиться пальца, как максимум жизни. Единственный способ спасти парня — договориться с Доном Сэлом. Но как?

Наутро он отправился в «Калабрезе» и попросил аудиенции. Дон Сэл принял его в своем кабинете, обставленном с крикливой роскошью: позолоченные канделябры, бархатные портьеры, чучело медведя в углу. Рядом с доном сидел Ардженто, бесстрастный, как сфинкс.

— Дон Сальваторе, — начал Эдди, тщательно подбирая слова. — Я насчет Фрэнки Нерво. Я понимаю, он виноват. Но убивать его — плохая идея. С чисто деловой точки зрения.

Дон приподнял бровь:

— Поясни.

— Фрэнки — курьер. Он знает маршруты, клиентов, явки. Если он исчезнет, придется искать нового человека, обучать его с нуля. Это время, это риск утечки информации. К тому же труп — всегда улика. А я могу предложить альтернативу.

— Какую? — поинтересовался Ардженто.

— Сделайте его стукачом. Не на вас — на конкурентов. У нас есть враги? Семья Марино, насколько я знаю, пытается отжать портовые пути. Пусть Фрэнки внедрится к ним под видом обиженного предателя. Будет сливать нам информацию. А заодно отработает свой долг. Если провалится — его убьют конкуренты, и вы не запачкаете руки. Если преуспееет — вы получите ценного агента. В любом случае, это выгоднее, чем просто труп.

Повисла пауза. Дон Сэл переглянулся с Ардженто. Потом оба расхохотались.

— Линден, — проговорил дон сквозь смех, — а ты страшный человек. Я думал, ты просто адвокатишка, а ты, оказывается, политик. Отлично. Пусть будет по-твоему. Но если твой план провалится, ты лично возместишь убытки. Деньгами или... — он выразительно провел пальцем по горлу.

Эдди вышел из ресторана с дрожащими коленями, но с чувством странного удовлетворения. Он спас парня, не нарушив клятву, данную Кэсси. Никакой крови. Только риск, только игра. И впервые за долгое время он ощутил вкус настоящей власти. Оказывается, можно управлять даже такими акулами, как Донателло, если правильно нажать на рычаги.

Вечером он рассказал эту историю Кэсси, но ее реакция была совсем не той, что он ожидал. Она сидела на краю его нового, дорогого дивана и смотрела на него с ужасом.

— Ты превратил парня в шпиона, Эдди. Ты отправил его в логово врага. Если его раскроют, его будут пытаться и убьют. А ты сидишь здесь и гордишься собой?

— Я спас ему жизнь! — возмутился Эдди. — Дон Сэл хотел прикончить его прямо сегодня!

— Ты дал ему отсрочку. И заодно втянул в еще более опасную игру. Ты не спаситель, Эдди. Ты манипулятор. Ты начинаешь мыслить так же, как они.

Эти слова задели его за живое. Он вскочил, заходил по комнате.

— А что мне было делать, Кэсси?! Отказаться? И тогда убили бы его, а потом, возможно, и меня, и тебя! Я нашел выход. Я всегда нахожу выход! В этом мой дар и мое проклятие!

Кэсси покачала головой. В ее глазах стояли слезы.

— Ты меняешься, Эдди. Ты уже не тот человек, в которого я влюбилась. Тот человек был жуликом, но у него были принципы. Он защищал стариков за копейки, он верил в то, что закон можно подправить, но не сломать. А этот новый Эдди... он играет жизнями. Как шахматными фигурами.

— Я все тот же! Я просто адаптируюсь! Жизнь заставила!

— Жизнь не заставляет никого становиться соучастником мафии, — тихо сказала она. — Это был твой выбор.

Она встала, взяла сумку и ушла, не обернувшись. Эдди остался один в пустой квартире, окруженный дорогими безделушками, которые теперь казались насмешкой. Он налил себе виски, выпил залпом, потом еще. Алкоголь не помог. Он включил телевизор — там крутили его старый рекламный ролик. «Липовый Линди решит вашу проблему!» Какую иронию судьбы: он мог решить любую проблему, кроме собственной.

А через несколько дней случилось событие, которое окончательно перевернуло его жизнь. Позвонила сиделка Маркуса:

— Мистер Линден-младший, ваш брат... у него случился острый приступ. Он в больнице Святой Екатерины. Врачи говорят, состояние критическое. Он хочет вас видеть.

Эдди бросил все и помчался в больницу. Маркус лежал в отдельной палате, опутанный трубками и проводами. Его лицо осунулось, кожа приобрела сероватый оттенок. Но когда он увидел брата, в глазах вспыхнул слабый свет.

— Эдди... — прошептал он. — Подойди ближе.

Эдди сел на край кровати и взял холодную, дрожащую руку брата в свои ладони.

— Я здесь, Маркус. Все хорошо. Врачи сказали, ты идешь на поправку.

— Не ври мне, — слабо усмехнулся Маркус. — Я знаю, что умираю. И перед смертью хочу сказать тебе кое-что важное.

Он закашлялся, и Эдди подал ему стакан с водой. Маркус отпил глоток и продолжил:

— Когда ты был маленьким, я завидовал тебе. Ты был свободен. Ты не боялся нарушать правила. А я всю жизнь строил из себя идеального. И что в итоге? Я умираю в одиночестве, преданный компаньонами, забытый коллегами. А ты... ты жив. Ты борешься. И я хочу, чтобы ты знал: я горжусь тобой.

Эдди замер. Это были слова, которых он ждал всю жизнь. В горле встал ком.

— Маркус, я...

— Подожди, не перебивай. Я знаю, чем ты занимаешься. Знаю про Донателло. Думаешь, я совсем из ума выжил? Нет. Сиделка читает газеты, а я еще могу складывать два и два. Ты влез в опасную игру, Эдди. Но ты умен. Ты можешь обыграть их. Только помни одну вещь: никогда не теряй себя. Не становись ими. Оставайся человеком. Даже если весь мир против тебя.

Маркус закрыл глаза. Дыхание его стало ровным. Он уснул. Эдди просидел у его постели до утра, держа за руку, и слезы текли по его щекам. Когда первые лучи солнца заглянули в окно палаты, он дал себе еще одну клятву: он выберется. Он уничтожит Донателло. Но так, чтобы самому не превратиться в чудовище.

Однако реальность, как всегда, внесла свои коррективы.

Буквально на следующий день Ардженто принес новое задание. На этот раз — помочь замести следы после убийства. Один из «солдат» Дона Сэла застрелил конкурента прямо на улице, среди бела дня, и теперь требовалось обеспечить ему алиби, подкупить свидетелей и уничтожить записи с камер наблюдения.

Эдди слушал и чувствовал, как внутри что-то обрывается. Он обещал Кэсси. Обещал Маркусу. Но Ардженто смотрел на него с холодной усмешкой и говорил:

— Это не просьба, Линден. Это приказ. Или ты с нами, или ты — следующая цель. Учти, твоя подружка-библиотекарша слишком много знает. И брат твой в больнице — беззащитный. Подумай хорошенько.

И Эдди сдался. Впервые в жизни он принял участие в сокрытии настоящего, кровавого преступления. Он придумал сложную схему: фальшивые билеты на поезд до Нью-Йорка, подставной свидетель, готовый подтвердить, что видел обвиняемого за сотню миль от места преступления, звонок с уличного таксофона, имитирующий угрозу от конкурентов. План сработал безупречно. Убийца остался на свободе.

Но той же ночью Эдди стоял перед зеркалом в ванной, и его рвало. Потому что он знал: невинный человек — один из свидетелей, которого запугали люди Ардженто, — будет сидеть в тюрьме за преступление, которого не совершал. Сидеть вместо настоящего убийцы.

В этот момент он понял: обратного пути нет.

Глава 9: Точка невозврата

Прошло полгода. Шесть долгих, мучительных месяцев, за которые Эдди Линден превратился в того, кем боялся стать всю жизнь — в настоящего преступника. Теперь его клиентами были не мелкие воришки и мошенники, а убийцы, наркоторговцы и вымогатели. Его офис переехал в здание, принадлежавшее подставной компании Донателло. Под вывеской «Линден и партнеры» скрывался целый штаб по отмыванию денег и юридическому прикрытию криминальной империи.

Ширли по-прежнему работала у него, но теперь носила с собой не биту, а пистолет — маленький дамский «вальтер», который ей подарил сам Дон Сэл «на случай неприятностей». Тони возглавил целый отдел по производству фальшивых документов — от паспортов до судебных решений. Кэсси... Кэсси ушла. Не сразу, не вдруг. Они еще встречались, пытались говорить, но между ними выросла стена. Последней каплей стал тот случай с невиновным свидетелем. Кэсси узнала правду — у нее были свои источники, свои информаторы — и пришла к Эдди домой.

— Ты знал, — сказала она без всяких предисловий. — Ты знал, что на место сядет невиновный, и ничего не сделал.

Эдди, измученный, похудевший, с темными кругами под глазами, только развел руками:

— А что я мог сделать, Кэсси? Мне приказали. Я выбрал меньшее зло.

— Меньшее зло — это когда ты жертвуешь собой, а не другим, — отрезала она. — Ты выбрал безопасность. Свою. И теперь ты часть машины. Прощай, Эдди.

Она ушла, и на этот раз навсегда. Он не пытался ее остановить, потому что знал: она права. С той минуты в его душе поселилась пустота, которую не могли заполнить ни деньги, ни власть, ни страх.

Но работа требовала его внимания. Дон Сэл, почувствовав в нем незаменимого помощника, приблизил его к самому сердцу организации. Эдди присутствовал на закрытых совещаниях, где решались судьбы людей. Он составлял списки «неблагонадежных», он продумывал схемы ухода от налогов, он даже консультировал «солдат» перед мокрыми делами — как лучше обставить все, чтобы не оставить улики. Он стал серым кардиналом, тенью дона.

И все же в глубине души он лелеял план побега. Не физического — духовного. Он мечтал накопить достаточно компромата на Донателло, чтобы сдать всю организацию ФБР и получить программу защиты свидетелей. Но одно дело — мечтать, а другое — сделать. Донателло окружал себя верными людьми, и любое неосторожное движение могло стоить жизни. К тому же, Эдди опасался, что ФБР не поверит такому, как он: адвокату с репутацией мошенника, вдруг решившему стать героем. Да и Маркус, прикованный к инвалидному креслу после очередного инсульта, нуждался в постоянном уходе, который могла обеспечить только мафия. Замкнутый круг.

Развязка началась неожиданно. Однажды к Эдди явился человек, которого он меньше всего ожидал увидеть: Фрэнки Нерво, тот самый курьер, которого он спас когда-то. Фрэнки изменился до неузнаваемости. Из испуганного мальчишки он превратился в уверенного, холерного мужчину с дорогой стрижкой и холодным взглядом. Внедрение к конкурентам удалось настолько хорошо, что Фрэнки поднялся в иерархии семьи Марино и стал их правой рукой. Но амбиции его росли.

— Мистер Линден, — сказал он, садясь в кожаное кресло для посетителей. — Я пришел отблагодарить вас за спасение. И предложить сделку.

— Сделку? — насторожился Эдди.

— Да. Донателло доживает последние дни. Марино готовит переворот. Они хотят убрать старого дона и всех его приближенных. В том числе вас. Но я помню добро. Поэтому преду-

преждаю: бегите. Через неделю здесь будет кровавая баня. Спасайте брата, спасайте себя. Это мой долг.

Эдди почувствовал, как земля закачалась под ногами. Вот он, шанс! Но тут же возникла мысль: а можно ли верить Фрэнки? Вдруг это проверка? Вдруг Дон Сэл заподозрил его в нелояльности и послал провокатора?

— Почему я должен тебе верить? — спросил он напрямик.

Фрэнки усмехнулся:

— Потому что выбора у вас нет. Если останетесь — умрете. Если побежите — может, выживете. Я рисковал жизнью, приходя сюда. Решайте.

Он встал и направился к выходу, но у двери обернулся:

— И вот еще что. Когда все закончится, я возьму власть в свои руки. И мне понадобится хороший адвокат. Такой, как вы. Не забывайте меня, мистер Линден.

Дверь захлопнулась. Эдди остался наедине с дилеммой, от которой зависела его судьба. Он мог предупредить Дона Сэла о готовящемся перевороте и тем самым заслужить вечную благодарность. Но тогда он навсегда останется рабом мафии. Мог бежать, бросив все, — но куда? Как спрятать брата, как обеспечить ему медицинскую помощь в подполье? Мог сдать обе семьи ФБР — но для этого нужны были неопровержимые доказательства, которых у него пока не было.

Всю ночь он просидел над бумагами, лихорадочно копируя документы, фотографируя записи, составляя списки контактов. Он решился. Хватит быть пешкой. Он станет игроком. Завтра же он отправится в ФБР. А пока...

Утром его разбудил телефонный звонок. Звонила сиделка Маркуса, и ее голос дрожал:

— Мистер Линден, ваш брат... Он просит вас немедленно приехать. Говорит, что это вопрос жизни и смерти. Он твердит что-то бессвязное, но очень настойчив.

Эдди помчался в больницу. У палаты его встретила заплаканная медсестра:

— Ему стало хуже ночью. Боюсь, это конец. Он держится из последних сил, чтобы увидеть вас.

Эдди вошел в палату. Маркус лежал на кровати, под капельницей, бледный как полотно. Но глаза его были ясны — впервые за долгие месяцы.

— Эдди... — прошептал он. — Я знаю, что ты задумал. Знаю про Фрэнки, про ФБР... Не удивляйся. Сиделка... она слышала разговор... я все понял.

Эдди присел на край постели.

— Маркус, я хочу покончить с этим. Сдать их всех. Начать новую жизнь.

— Это правильно... — Маркус закашлялся, но продолжил: — Но будь осторожен. У них везде уши. Если узнают — убьют. Возьми... возьми мой старый портфель. В тайном отделении лежит ключ от банковской ячейки. Там документы, которые я собирал на Донателло еще тогда, когда был здоров. Я тоже мечтал их посадить... но не успел. Возьми их. Передай федералам. И обещай мне... обещай, что выживешь.

Эдди взял холодную руку брата. Слезы текли по его щекам.

— Обещаю, Маркус. Обещаю.

— И еще... — голос Маркуса стал совсем тихим. — Прости меня. За все. За то, что не верил в тебя. За то, что был слишком горд. Ты хороший человек, Эдвард. Лучше, чем я. Прощай...

Он закрыл глаза. Писк кардиомонитора слился в одну непрерывную ноту. Врачи вбежали в палату, но было уже поздно. Маркус Линден, великий юрист, совесть Филадельфии, скончался на руках у своего младшего брата.

Эдди не помнил, как вышел из больницы. В руках он сжимал старый кожаный портфель — единственное наследство, оставленное Маркусом. Внутри действительно обнаружился ключ и пачка бумаг: распечатки телефонных разговоров, фотографии, копии банковских переводов.

Компромата хватало, чтобы уничтожить не только семью Донателло, но и половину коррумпированных чиновников штата.

Теперь у него было оружие. Но времени почти не оставалось. Переворот, о котором предупреждал Фрэнки, мог начаться в любой момент. Нужно действовать быстро.

Он поехал прямо в офис ФБР, но у дверей остановился. Холодный ветер трепал полы его ярко-зеленого пальто. Он подумал о Ширли, которая ждала его в приемной. О Тони, который верил в него. О Кэсси, которая возненавидела его. О Маркусе, который отдал последние силы, чтобы передать ему ключ. И, наконец, о себе самом — о том загнанном, уставшем человеке, которым он стал.

Он толкнул дверь и вошел.

— Я хочу сделать заявление. У меня есть информация о преступной деятельности семьи Донателло. И я готов сотрудничать со следствием в обмен на программу защиты.

Агент, сидевший за столом, удивленно поднял брови. Через час Эдди Линден уже сидел в допросной, выкладывая все, что знал. Он говорил и говорил, а магнитофон записывал каждое слово. Где-то в городе, в своих особняках и ресторанах, мафиози еще не подозревали, что их империя рушится. А в подвале одного из складов люди Фрэнки Нерво точили ножи, готовясь к решающему удару.

Ночь опустилась на Филадельфию. Ночь, которая должна была изменить все.

Глава 10: Исповедь

Допросная комната Федерального бюро расследований представляла собой серый бетонный мешок без окон, с единственной лампой дневного света, которая назойливо жужжала, действуя на нервы. Эдди Линден сидел на жёстком металлическом стуле, обитом потрескавшимся дерматином, и смотрел на собственное отражение в большом зеркале, за которым, как он понимал, стояли агенты. Он знал эти приёмы — сам использовал психологическое давление на свидетелей, правда, с другой стороны баррикад. Сейчас он был по ту сторону зеркала, и ощущение было тошнотворным.

Напротив него расположились двое: специальный агент Патрик Маллоу — широкоплечий ирландец с вечно красным лицом и манерами человека, который привык выбивать показания кулаками, но вынужден носить костюм, — и его напарница, специальный агент Линда Васкес, миниатюрная латиноамериканка с острыми, как скальпель, глазами, которая не произнесла ещё ни слова, но, судя по цепкому взгляду, фиксировала каждое движение подсудимого.

— Итак, мистер Линден, — протянул Маллоу, постукивая толстым пальцем по папке, лежавшей перед ним. — Вы утверждаете, что готовы дать показания на семью Донателло. Полные, развёрнутые, с именами, датами и суммами. В обмен на программу защиты свидетелей для вас и... кого ещё?

— Моя бывшая... — Эдди осёкся. — Женщина, которая работала со мной. Кэсси Холт. Она не при делах, но они могут добраться до неё. И мой брат... он только что умер, но я хочу, чтобы его имя не было втоптанно в грязь. Он был честным юристом.

Маллоу переглянулся с Васкес. Та едва заметно пожала плечами, словно говоря: «Пусть продолжает».

— Допустим, мы заинтересованы, — продолжал Маллоу. — Но поймите, Линден, ваша репутация бежит впереди вас. «Липовый Линди». Адвокат, который построил карьеру на лжи и подлогах. С чего нам верить, что вы не пытаетесь нас переиграть? Что это не очередная афера?

Эдди горько усмехнулся. Он ожидал этого вопроса. Достал из внутреннего кармана пиджака — старого, ещё с тех времён, когда он защищал пенсионеров, — сложенный вчетверо лист бумаги и протянул через стол.

— Вот. Это копия банковской ячейки, которую открыл мой брат. Там лежат документы, собранные им за годы. Компромат на Донателло, на их связи с мэрией, на подкуп портовых инспекторов. Оригиналы я готов передать вам, как только получу гарантии безопасности.

Маллоу взял лист, пробежал глазами, и его брови поползли вверх. Он передал бумагу Васкес. Та изучила её с каменным лицом, но пальцы слегка дрогнули.

— Это серьёзно, — произнесла она впервые за всё время. Голос у неё был низкий, с лёгким испанским акцентом. — Если всё подтвердится, мы сможем взять не только верхушку, но и всю бухгалтерию. Однако, мистер Линден, есть одна проблема. Вы — не просто свидетель. Вы — соучастник. Вы лично участвовали в сокрытии убийства, в отмывании денег, в даче взяток. Ваши руки по локоть в крови.

Эдди почувствовал, как в груди похолодело. Он знал, что этот момент настанет.

— Я готов понести наказание, — медленно проговорил он. — Но прошу учесть моё сотрудничество. Я не прошу полного иммунитета. Но я хочу, чтобы моя помощь была засчитана. И ещё — я хочу, чтобы тот невиновный свидетель, которого посадили по моей вине, был освобождён. Его зовут Роберт Данн. Дело об убийстве в портовом квартале, август девяносто девятого.

Васкес записала имя в блокнот. Маллоу хмыкнул:

— Сентиментальность? Не ожидал от такого пройдохи.

— Называйте как хотите, — огрызнулся Эдди. — Но если вы не поможете этому парню, я не скажу больше ни слова.

Начался торг, долгий и выматывающий. Агенты вызывали начальство, те связывались с прокуратурой. Эдди сидел в душной комнате, пил холодный кофе из пластикового стаканчика и прокручивал в голове лица: Ширли, Кэсси, Маркус, даже Дон Сэл. Где-то там, за стенами этого здания, маховик мафиозной войны уже набирал обороты. Если он промедлит — Фрэнки Нерво ударит первым, и тогда никакое ФБР не спасёт ни его, ни тех, кто ему дорог.

К вечеру соглашение было достигнуто. Эдди Линден получил статус конфиденциального информатора с перспективой вхождения в программу защиты свидетелей после завершения операции. Ему выделили охрану — двух агентов, которые должны были круглосуточно находиться поблизости, — и настоятельно рекомендовали не покидать город. Первым делом он отправился в банк, вскрыл ячейку Маркуса и передал документы федералам. Вторым — попытался дозвониться до Кэсси.

Она не отвечала. Он звонил десять, двадцать, тридцать раз. Гудки сменялись автоответчиком. Тогда он поехал к ней домой, в ту маленькую квартиру над книжным магазином, где они столько раз сидели за бутылкой дешёвого вина и обсуждали стратегию защиты. Дверь была заперта, соседи сказали, что мисс Холт съехала неделю назад. Эдди стоял на пыльной лестнице, прижавшись лбом к холодной стене, и впервые за многие годы чувствовал себя абсолютно, космически одиноким.

А в это время в ресторане «Калабрезе» Дон Сальваторе Донателло праздновал свой шестьдесят восьмой день рождения. Зал был украшен золотыми шарами и живыми цветами, играл оркестр, шампанское лилось рекой. Никто из присутствующих ещё не знал, что этот вечер станет для многих последним. Среди гостей с бокалом в руке стоял Фрэнки Нерво — свой среди чужих, чужой среди своих. Он улыбался, чокался с «друзьями», а сам ждал сигнала. Сигнал должен был поступить, как только люди Марино окружат здание. Но Фрэнки не учёл одного: у Дона Сэла тоже были информаторы.

Когда часы пробили одиннадцать, в зал ворвался запыхавшийся Ардженто и что-то прошептал на ухо дону. Лицо Сальваторе на мгновение исказилось, но многолетний опыт заставил его сохранить маску радушия. Он подозвал жестом начальника службы безопасности и тихо отдал приказ. Через пять минут все выходы из ресторана были заблокированы, а Фрэнки Нерво, так и не успевший подать сигнал, был схвачен и уведён в подвал для «разговора по душам».

Эдди, разумеется, ничего этого не знал. Он сидел в своём опустевшем офисе — том самом, с зелёной вывеской «Липовый Линди», которую он так и не снял, — и складывал в коробку личные вещи. На столе лежала фотография Маркуса, которую он забрал из больницы. Рядом — старая кассета с записью интервью брата, та самая, которую дала ему Кэсси сто лет назад. Он вставил кассету в выдавший виды видеомэгнитофон и включил. С экрана на него смотрел Маркус — ещё здоровый, полный сил, с ледяным, но таким родным голосом: «...Моему брату стоило бы выбрать другую профессию. Например, конференсье в дешёвом кабаре...» Эдди горько улыбнулся. Как же он ошибался, Маркус. Ты даже представить не мог, до какого кабаре я дошёл.

Внезапно зазвонил телефон. Номер определился как «неизвестен». Эдди снял трубку, ожидая услышать очередную угрозу от людей дона или, может быть, агентов ФБР. Но голос в трубке был женским, до боли знакомым.

— Эдди, не перебивай. У меня мало времени. Это Кэсси.

— Кэсси! Где ты? Я искал тебя повсюду! Послушай, я всё рассказал федералам, я...

— Знаю, — перебила она. — Я знаю, что ты пошёл в ФБР. Мне сообщили. Не спрашивай кто. Я звоню предупредить: завтра на рассвете люди Марино нанесут удар. Они собираются убрать не только Донателло, но и всех его приспешников, включая тебя. Ты должен исчезнуть. Немедленно.

— Кэсси, я не могу просто сбежать. У меня охрана, у меня обязательства перед ФБР. Если я сейчас исчезну, они решат, что я их обманул, и тогда точно посадят.

— Тогда умри, — жёстко сказала она. — Для всех. Инсценируй свою смерть. У тебя же талант к липовым делам. Придумай что-нибудь. И уезжай как можно дальше. Пожалуйста, Эдди. Я не хочу найти тебя на свалке с пулей в затылке.

В трубке послышались помехи, а затем — короткие гудки. Эдди стоял, прижимая телефон к уху, и сердце колотилось как бешеное. Значит, Кэсси всё ещё жива, всё ещё где-то рядом. Но почему она не захотела встретиться? Почему не дала адреса? Ответ был очевиден: она боялась. Боялась за него, боялась за себя. И была права.

Той же ночью Эдди Линден начал планировать собственное исчезновение.

Глава 11: Тени прошлого

Организовать собственную смерть оказалось куда сложнее, чем подделать судебный протокол или надуть налоговую. Эдди не спал почти двое суток, колеся по городу от одного конспиративного адреса к другому. ФБР приставило к нему двух агентов — Патрика Маллоу и Линду Васкес, — которые следовали за ним как тени. Убедить их в необходимости инсценировки было практически невозможно: по их логике, ценный свидетель должен был сидеть под замком и не высовываться. Но Эдди был не тем человеком, который согласится на роль комнатной собачки.

— Послушайте, Маллоу, — сказал он, когда они в очередной раз встретились в конспиративной квартире на окраине города. — Если Марино и Донателло узнают, что я сдал их, меня убьют в любом случае, сколько бы агентов вы ко мне ни приставили. У них свои люди везде: в полиции, в судах, возможно, даже среди ваших. Единственный способ обезопасить меня — сделать так, чтобы они решили, что я мёртв. Тогда они перестанут искать.

Маллоу недоверчиво хмыкнул:

— И как вы себе это представляете? Сымитировать аварию? Подбросить обгоревший труп?

— Нет, труп — это ненадёжно, — деловито ответил Эдди. — Трупы опознают, проводят экспертизу. А если экспертиза покажет, что это не я, всё пойдёт насмарку. Нужно нечто более театральное. Публичное. Чтобы свидетелей было много, и никто не усомнился. Я предлагаю инсценировать моё убийство во время перестрелки между людьми Донателло и Марино. Случайная жертва, пуля в грудь, тело увозит скорая, а в морге уже ждёт подкупленный патологоанатом с фальшивым заключением.

Васкес, которая до этого молча сидела в углу, подняла голову:

— Подкупленный патологоанатом? Вы это серьёзно?

— А что такого? Я знаю одного парня, доктора Гроссмана, который за небольшую мзду готов написать что угодно. Он уже помогал мне с фальшивыми медицинскими картами для страховых афер. Правда, он сейчас под следствием за мошенничество, но до тюрьмы дело не дошло, он на подписке. Если вы, ребята, пообещаете ему иммунитет, он с радостью поможет.

Маллоу и Васкес переглянулись. Идея была безумной, но в ней был определённый резон. В конце концов, ФБР нужны были показания Эдди, а не его труп. Если инсценировка сохранит ему жизнь и позволит спокойно дать показания, почему бы и нет?

— Мы должны согласовать это с руководством, — наконец произнёс Маллоу. — И если хоть что-то пойдёт не так — вы сядете за препятствование правосудию, Линден.

— Договорились, — Эдди улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой, хотя внутри всё сжималось от ужаса. Он сам не верил в успех этой затеи. Но другого выхода не было.

Пока ФБР согласовывало план, Эдди занялся практической подготовкой. Первым делом он наведился к Тони, своему старому знакомому печатнику. Мастерская Тони теперь располагалась не в подвале пиццерии, а в старом железнодорожном депо на отшибе. После того как люди Донателло разгромили его прежний подвал, Тони затаился и работал только на самых проверенных клиентов. Эдди был одним из немногих, кому он всё ещё доверял.

— Ты с ума сошёл, Линден, — сказал Тони, выслушав просьбу. — Подделать собственное свидетельство о смерти? Такого даже я не делал.

— Значит, станешь первопроходцем, — усмехнулся Эдди. — Мне нужен комплект документов на новое имя. Паспорт, водительские права, социальная карта. Имя пусть будет... Джеймс Морган. Не спрашивай почему. Просто нравится звучание. И да, нужна будет ещё липовая медицинская карта с записью о моём ранении и смерти.

Тони покачал головой, но за работу взялся. Пока он возился с печатями и бланками, Эдди съездил в больницу к доктору Гроссману. Тот, пожилой лысеющий мужчина с вечно трясущимися от абстинентного синдрома руками, согласился помочь без особых уговоров — особенно когда узнал, что ФБР готово закрыть глаза на его прошлые грехи.

— Я сделаю запись о поступлении неизвестного с огнестрельным ранением в грудь, о клинической смерти в реанимации, о констатации биологической смерти, — бормотал Гроссман, делая пометки в блокноте. — Подкину в морг фальшивые бирки. Но нужно тело. Хотя бы на время.

— Тело я обеспечу, — мрачно пообещал Эдди. — Труп бомжа, который недавно умер в соседнем районе. У меня есть связи в похоронном бюро.

Круг замыкался. ФБР, через свои каналы, подтвердило готовность поддержать операцию. План был назначен на ближайшую пятницу, когда, по данным агентуры, должна была состояться встреча между представителями двух враждующих кланов в одном из портовых складов. Именно там и должна была разыгаться финальная сцена «гибели» Липового Линди.

В пятницу утром Эдди надел свой самый яркий пиджак — тот самый зелёный, в котором снимался в рекламе. Он хотел, чтобы его запомнили именно таким: кричащим, нелепым, но неуловимо обаятельным. Кэсси, которой он всё-таки дозвонился накануне, прислала короткое сообщение: «Будь осторожен. Я люблю тебя». Эти слова грели душу сильнее, чем все деньги Донателло вместе взятые.

В назначенный час на складе собрались ключевые фигуры обеих группировок. Дон Сэл, мрачный как туча, сидел в кресле, установленном прямо на бетонном полу, словно трон. Рядом с ним — Ардженто с неизменным портфелем. Со стороны Марино прибыл сам дон Антонио Марино — сухой старик с лицом аскета и холодными змеиными глазами, в сопровождении дюжины вооружённых головорезов. Фрэнки Нерво, связанный и избитый, стоял на коленях между ними — его предательство было раскрыто, и теперь обе стороны решали его судьбу, а заодно делили сферы влияния.

Эдди появился на складе в самый драматический момент. Он вошёл через боковую дверь, как ни в чём не бывало, словно опаздывал на деловую встречу.

— Джентльмены! — громко произнёс он, раскинув руки в стороны. — Прошу прощения за опоздание. Дела, знаете ли. Но я здесь, чтобы внести предложение, которое устроит всех.

— Линден? — Дон Сэл нахмурился. — Тебя никто не приглашал.

— Я сам себя пригласил, — усмехнулся Эдди. — Видите ли, я устал быть посредником. Я хочу выйти из игры. И готов заплатить за это.

Он вынул из внутреннего кармана конверт и швырнул его на ящик, стоявший посередине. Конверт был набит документами — копиями тех самых бумаг, которые он передал ФБР.

— Здесь доказательства ваших преступлений, господа. Убийства, взятки, отмывание денег. Всё, что я собрал за время работы. Если я сейчас уйду и вы меня не тронете, я уничтожу оригиналы. Если нет — через час они окажутся в редакции каждой газеты города.

В толпе поднялся ропот. Дон Сэл побагровел, Марино сжал челюсти. Ардженто сделал шаг вперёд, но Эдди поднял руку:

— Стоять! Я знаю, что вы сейчас думаете: «Убить его, и дело с концом». Но проблема в том, что я уже мёртв. Посмотрите вокруг. Это склад окружён агентами ФБР. Они здесь ради меня. И если я не выйду отсюда через пять минут, они начнут штурм.

Тут, по плану, должны были ворваться спецназовцы. Но что-то пошло не так. Вместо этого прозвучал одиночный выстрел — один из людей Марино не выдержал напряжения и спустил курок. Пуля попала Эдди в плечо. Он пошатнулся, из раны хлынула кровь. Началась паника. Кто-то кричал, кто-то палил в воздух. В суматохе Фрэнки Нерво, воспользовавшись моментом, рванулся к выходу и скрылся. Эдди, истекая кровью, пополз к двери. Маллоу и Васкес, находившиеся в группе захвата, ворвались в здание на минуту позже запланированного.

Дальнейшее Эдди помнил смутно. Вспышки, крики, чьи-то руки, тащившие его прочь. Потом — темнота.

Очнулся он в больничной палате. Над ним склонилось лицо Кэсси — бледное, заплаканное, но бесконечно родное.

— Ты жив, идиот, — прошептала она. — Ты жив.

Эдди попытался улыбнуться. Плечо адски болело, но он чувствовал невероятное облегчение. Инсценировка частично провалилась, но главная цель была достигнута: в суматохе никто не понял, жив он или умер. В газетах на следующий день написали: «Перестрелка в порту: адвокат мафии Эдвард Линден получил тяжёлое ранение, его состояние критическое». А ещё через два дня — «Скончался в больнице от полученных ран».

В морге уже лежало тело бомжа с его документами. Гроссман выписал заключение. Тони изготовил документы на Джеймса Моргана. Кэсси помогла ему исчезнуть из больницы через чёрный ход, переодетым в санитаря. Маллоу и Васкес закрыли глаза на эту эскападу — главное, что свидетель был жив и готов давать показания.

Так Эдвард Линден официально перестал существовать. Впереди его ждала новая жизнь. Но прежде — долгое, изнурительное сотрудничество со следствием, которое должно было поставить точку в войне с мафией.

Глава 12: Мёртвый сезон

Процесс дачи показаний занял почти год. Эдди, теперь уже Джеймс Морган, жил в маленьком городке на севере штата, под охраной ФБР, и почти каждый день ездил в Филадельфию на допросы, очные ставки и судебные заседания. Это была странная, полуподпольная жизнь: днём он изобличал бывших подельников, а ночью возвращался в съёмную квартиру с зашторенными окнами и вздрагивал от каждого шороха. Ему выдали новые документы, новую биографию — теперь он был коммивояжёром, торгующим канцелярскими товарами, — но старые привычки давали о себе знать. Иногда по вечерам он доставал из потайного ящика старую кассету с записью интервью Маркуса и пересматривал её, словно пытаясь найти ответ на вопрос: правильно ли он поступил?

Кэсси приехала к нему через три месяца после «смерти». Она тоже вошла в программу защиты — как ценный свидетель, знавший детали финансовых махинаций. Теперь её звали Сара Коллинз, и она работала в архиве небольшого муниципалитета, разбирая старые налоговые декларации. Они встречались редко, украдкой, в разных городах, но каждая встреча была глотком свежего воздуха. Эдди не смел просить её остаться навсегда — он знал, что его присутствие всё ещё смертельно опасно для них обоих.

Тем временем судебные процессы над членами семьи Донателло и Марино гремели на всё восточное побережье. Показания «анонимного свидетеля» — так Эдди фигурировал в протоколах — стали сенсацией. Он рассказывал о тайных счетах, о подкупе судей, о механизмах отмыwania денег через портовые терминалы. Его перекрёстно допрашивали лучшие адвокаты, пытаясь дискредитировать, но он держался стойко. Помогала старая школа: он умел врать, но сейчас говорил чистую правду, и это ощущалось. Каждое его слово било точно в цель.

Однако и ответные удары не заставили себя ждать. Однажды утром в его временной квартире раздался телефонный звонок. Голос в трубке, искажённый фильтром, произнёс:

— Линден, ты думаешь, что мёртв? Ошибаешься. Мы знаем, где ты. И знаем про твою подружку Сару. Если не прекратишь давать показания, она умрёт первой. А ты будешь смотреть.

Эдди похолодел. Он тут же связался с Маллоу. ФБР усилило охрану, но звонки повторялись — раз в неделю, с разных номеров. Незнакомый напоминал о себе, цитируя детали, которые мог знать только кто-то очень близкий к семье. Подозрение пало на Фрэнки Нерво, который после событий на складе сумел скрыться и, по слухам, ушёл в глубокое подполье, мечтая отомстить. Но доказательств не было.

Атмосфера накалялась. Эдди чувствовал, как вокруг сжимается кольцо. Однажды вечером он сидел в квартире, разбирая бумаги, и вдруг заметил странную тень за окном. Выйдя на балкон, он увидел на асфальте свежий след от протектора — словно кто-то припарковал машину и долго стоял, наблюдая. Он позвонил Кэсси, чтобы предупредить, но та не ответила. Сердце ушло в пятки. Через час выяснилось, что Кэсси просто забыла телефон в машине, но эти шестьдесят минут стали для Эдди вечностью.

В отчаянии он решился на шаг, который сам считал безумным: он отправил весточку старому знакомому — Лысому Тони, который всё ещё работал под прикрытием в Филадельфии. Тони, рискуя свободой и жизнью, согласился помочь. Через неделю он прислал Эдди зашифрованное письмо, в котором сообщал: «Твой друг Ф.Н. действительно жив. Он затаился в старом особняке на Мейпл-стрит, 12. Говорят, он собирает компромат на тебя, чтобы шантажировать. Будь осторожен».

Эдди понял: Фрэнки хочет не просто мести. Он хочет использовать его как инструмент для захвата остатков власти. Если Фрэнки получит контроль над бывшей империей Дона-

телло-Марино, он сможет диктовать условия. А для этого ему нужен был Эдди — единственный человек, знающий все тайные счета. Живой и послушный.

И тогда у Эдди созрел план — последний, самый отчаянный и самый гениальный в его жизни. Он решил переиграть Фрэнки, используя его же оружие — шантаж и обман.

Глава 13: Игра с тенью

Мейпл-стрит, 12, оказалась заброшенным особняком викторианской эпохи, заросшим плющом и окружённым кованой оградой. Когда-то здесь жил богатый судовладелец, но теперь здание пустовало, если не считать нелегальных обитателей — то ли сквоттеров, то ли беглых преступников. Согласно данным Тони, именно здесь скрывался Фрэнки Нерво со своей немногочисленной, но преданной бандой.

Эдди, переодетый до неузнаваемости — мешковатая куртка, кепка, тёмные очки, — припарковал арендованный фургон в трёх кварталах от особняка и дальше двинулся пешком. С ним не было оружия, только диктофон в кармане и отчаянная решимость. Он понимал, что идёт напрямик в логово врага, но иного выхода не видел. Угрозы в адрес Кэсси звучали слишком конкретно, и он не мог допустить, чтобы с ней что-то случилось.

У чёрного хода его встретили двое амбалов с помповыми ружьями. Один из них, лысый, с золотой цепью на бычьей шее, хмыкнул:

— Это ещё что за клоун?

— Скажите Фрэнки, что пришёл Джеймс Морган. Он ждёт меня, — спокойно ответил Эдди, хотя внутри всё дрожало.

Через минуту его провели в просторный зал с камином, где на пыльном диване сидел Фрэнки Нерво. За прошедший год он раздобыл, отрастил бороду, но глаза остались прежними — холодными, расчётливыми. При виде Эдди он широко улыбнулся, словно встретил старого друга.

— Линден! А я уж думал, ты не придёшь. Испугался, наверное? Садись, садись. Выпьешь чего-нибудь?

— Обойдусь, — отрезал Эдди, оставаясь стоять. — Ты угрожал женщине. Это не по понятиям, Фрэнки. Даже среди мафии.

Фрэнки рассмеялся, но смех вышел невесёлым.

— Понятия? Кому они нужны, эти понятия, когда речь идёт о выживании? Ты предал дону, предал Марино, предал меня. Ты думал, что сдох и все успокоятся? Нет, Линден. Ты мне нужен живой.

— Зачем? — Эдди старался говорить ровно, но голос предательски дрожал.

— Потому что у тебя в голове — ключи от счетов в Швейцарии, на которых лежат миллионы долларов. Миллионы, которые Дон Сэл скопил за всю жизнь. Я знаю, что ты помогал ему переводить деньги. И я знаю, что ты можешь их достать. Поделишься — и я оставлю твою библиотекаршу в покое. Нет — пеняй на себя.

Эдди молчал, лихорадочно соображая. Он действительно знал о счетах. Более того, он намеренно не передал эту информацию ФБР, оставив себе козырь на чёрный день. И вот этот день настал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я переведу тебе деньги. Но с одним условием: ты лично приедешь со мной в банк. В Цюрих. И там, при свидетелях, подпишешь отказ от любых претензий ко мне и Кэсси. Иначе — никаких денег.

Фрэнки прищурился:

— Думаешь, я дурак? В Швейцарии меня схватит Интерпол.

— А мы не полетим, — Эдди усмехнулся. — Мы поедем на машине. Через границу с Канадой, потом самолётом из Монреаля. У меня есть фальшивые паспорта для нас обоих. И связи в таможне. Доверься мне. Я же Липовый Линди, забыл? Моя работа — находить лазейки.

План был чистым блефом, но Фрэнки клюнул. Жадность и страх перед законом сделали своё дело. Он согласился.

Неделя ушла на подготовку. Эдди параллельно поддерживал связь с ФБР, но не рассказывал им всей правды — только то, что пытается выманить Фрэнки из укрытия. На самом деле он задумал тройную игру: сдать Фрэнки властям, одновременно переведя часть денег на подставные счета, чтобы обеспечить будущее Кэсси, и при этом окончательно замести собственные следы.

Поездка в Канаду прошла на удивление гладко. Фальшивые паспорта, изготовленные Тони, сработали безупречно. В Монреале они сели на рейс до Цюриха. В самолёте Фрэнки нервничал, постоянно оглядывался, но Эдди держался уверенно, как заправский шпион. В Цюрихе, в банке «Швайцерхоф», они встретились с управляющим, старым знакомым Дона Сэла, который согласился провести операцию по переводу средств. Фрэнки, ослеплённый видом нулей на банковском счёте, подписал все бумаги, подготовленные Эдди, включая отказ от претензий.

Выйдя из банка, они сели в такси. И тут Фрэнки заметил, что машина едет не в аэропорт, а куда-то в сторону гор.

— Эй, Линден, куда мы? — беспокоился он.

— Небольшой крюк, — ответил Эдди, не оборачиваясь. — Ты ведь хотел убедиться, что всё честно? Я покажу тебе кое-что.

Машина остановилась у небольшого шале на берегу озера. На пороге стояла Кэсси. Фрэнки побледнел.

— Ты... ты вызвал её сюда? Зачем?

— Чтобы ты увидел её своими глазами, Фрэнки, — тихо произнёс Эдди. — Ты угрожал ей. Хотел её смерти. А теперь ты в моей власти. Потому что эта встреча записана на камеру, и весь твой отказ от претензий, все твои подписи — у меня. Если с ней что-то случится, если с нами что-то случится, запись уйдёт в ФБР и прессу. Ты станешь главным фигурантом. Конец твоей карьере.

Фрэнки зарычал и бросился на Эдди, но тут из шале вышли агенты в штатском — Маллоу и Васкес собственной персоной. Они защёлкнули на запястьях Фрэнки наручники.

— Фрэнки Нерво, вы арестованы за шантаж, угрозы убийством и препятствование правосудию, — буднично произнёс Маллоу. — Спасибо за сотрудничество, мистер Морган.

Эдди смотрел, как уводят бывшего сообщника, и чувствовал огромную, неимоверную усталость. Кэсси подошла и молча взяла его за руку. Они стояли так долго, глядя на спокойную гладь озера, на заснеженные вершины Альп, и впервые за долгие месяцы им казалось, что кошмар закончился.

Глава 14: Наследство Линдена

Процесс над Фрэнки Нерво стал завершающим аккордом большой чистки. Вместе с ним перед судом предстали остатки групп Донателло и Марино — те, кого не убили в междоусобной войне. Эдди, всё ещё под псевдонимом Джеймс Морган, выступал главным свидетелем обвинения. Его показания были настолько подробны и убедительны, что присяжные вынесли вердикт за рекордно короткое время. Фрэнки получил пожизненное. Эдди смотрел, как его уводят в наручниках, и не испытывал ни злорадства, ни жалости — только пустоту.

После суда агент Маллоу подошёл к нему и, впервые за всё время, пожал руку почти по-дружески:

— Вы сделали это, Линден. Мы сворачиваем программу. Можете жить, где хотите, под любым именем, но лучше не светиться. Контакты наши знаете. Если что — обращайтесь.

Так Эдди и Кэсси остались вдвоём в незнакомой стране, без прошлого, но с некоторым будущим. Часть денег Дона Сэла — небольшая, но достаточная для скромной жизни — осела на счетах, открытых на имя новых личностей. Эдди не стал трогать остальные миллионы: он анонимно передал их в фонд помощи жертвам мафиозных разборок. Этот жест стал его личным покаянием.

Они поселились в тихом швейцарском городке у подножия Альп. Эдди устроился работать клерком в местную юридическую фирму — не адвокатом, разумеется, потому что его лицензия аннулировалась вместе со «смертью», но помощником, составляющим бумаги. Это было скучно, утомительно и... умиротворяюще. Он, наконец, высыпался по ночам, не вздрагивая от телефонных звонков. Кэсси нашла место в библиотеке кантонального университета и впервые за долгие годы занималась тем, что действительно любила: систематизировала старинные фолианты, помогала студентам, и лицо её постепенно обретало утраченную мягкость.

Но призраки прошлого не уходили навсегда. Однажды вечером, разбирая старые вещи, Эдди наткнулся на портфель Маркуса, который чудом сохранился после всех перипетий. Он открыл его и снова пролистал пожелтевшие страницы. В самом низу, в потайном отделении, о котором он не знал раньше, лежало письмо. На конверте было написано: «Эдварду, когда меня не станет».

Дрожащими руками он вскрыл конверт и прочитал:
«Дорогой Эдди,

Если ты читаешь это, значит, я уже мёртв. Прости, что не сказал при жизни. Я гордился тобой. Несмотря ни на что, ты был лучшим из нас. Ты умел любить, умел прощать, умел бороться. Я же только умел судить. Но в последние месяцы я много думал. Помнишь, как в детстве ты стащил десять долларов на бейсбольные карточки? Я тогда ужасно разочлился. А на самом деле ты просто хотел подарить мне эти карточки на день рождения, потому что знал, что я коллекционирую. Ты всегда был таким — неуклюжим, но искренним. Я должен был понять это раньше. Прошу тебя: не дай своей душе очерстветь. Ты можешь стать великим юристом, но ещё важнее — остаться хорошим человеком. Я верю в тебя. Твой брат Маркус».

Эдди дочитал и разрыдался. Он плакал долго, навзрыд, чего не позволял себе даже у постели умирающего брата. Кэсси обняла его, гладила по голове, и молчала, понимая без слов.

Через несколько дней он решился на поступок, который давно откладывал. Они с Кэсси поехали в Филадельфию — впервые после инсценировки смерти. Город встретил их равнодушным осенним дождём. Эдди, в тёмных очках и надвинутой на лоб шляпе, посетил кладбище, где под чужим именем был похоронен его «двойник» — тот самый бомж, чьё тело стало ключом к свободе. Он положил на могилу цветы и прошептал: «Спасибо, друг. Ты спас мне

жизнь». Затем они отправились на могилу Маркуса — скромный памятник в тихом углу элитного некрополя. Эдди опустился на колени прямо в мокрую траву и положил на гранитную плиту конверт с тем самым письмом.

— Я здесь, Маркус, — сказал он. — Я пришёл попрощаться. И сказать спасибо. Ты был прав: я могу быть хорошим человеком. Я попробую.

Кэсси стояла поодаль, давая ему побыть наедине с прошлым. Но когда он поднялся, она взяла его под руку и тихо произнесла:

— Поехали домой. Домой, Эдди.

Они вернулись в Швейцарию. Жизнь постепенно налаживалась. Но мир мафии, даже поверженный, не прощает предателей окончательно. Эхо войны ещё звучало...

Глава 15: Липовый покой

Прошло пять лет. Где-то в небольшом альпийском городке, в маленьком домике с черепичной крышей и цветущими геранями на окнах, жил пожилой мужчина по имени Джеймс Морган. Соседи знали его как тихого, вежливого клерка, который обожал свою жену Сару и каждое воскресенье пёк яблочные пироги. Никто не догадывался, что этот седеющий господин с добрыми глазами когда-то был самым скандальным адвокатом Филадельфии, правой рукой мафиозного дона и ключевым свидетелем, уничтожившим две криминальные империи.

Эдди Линден — теперь уже навсегда Джеймс Морган — нашёл в этой тихой гавани то, что искал всю жизнь: покой. Но покой этот был, если можно так выразиться, липовым. Потому что привычка к авантюрам, к игре, к балансированию на грани закона никуда не делась. Она дремала где-то глубоко, как вулкан, и иногда давала о себе знать безобидными всплесками: то он помогал соседу оспорить штраф за парковку, используя такие юридические уловки, что местный судья только диву давался; то составлял хитроумный договор купли-продажи, позволивший владельцу пекарни уйти от налогов совершенно законным, но крайне изощрённым способом. Кэсси, узнавая об этих проделках, качала головой и говорила: «Ты неисправим». Но в её голосе звучала скорее нежность, чем упрёк.

Однажды размеренную жизнь нарушило письмо. Оно пришло без обратного адреса, в простом белом конверте. Внутри лежала вырезка из американской газеты — заметка о том, что некий заключённый по имени Роберт Данн, отсидев семь лет по ложному обвинению, наконец-то освобождён после пересмотра дела. В заметке упоминался «анонимный источник, предоставивший доказательства невиновности». Эдди улыбнулся, прочитав это. Значит, его показания в ФБР не пропали даром. Человек, чью жизнь он когда-то сломал, получил свободу.

Вторым ударом стала новость о том, что бывший агент ФБР Патрик Маллоу опубликовал мемуары, в которых описал операцию «Чистый порт». Имя Эдди Линдена в книге не упоминалось — вместо него фигурировал «глубоко законспирированный информатор», но по некоторым деталям Эдди без труда узнал себя. Книга стала бестселлером, и по Голливуду поползли слухи об экранизации. Эдди нервничал: а вдруг кто-то из бывших врагов сложит два и два? Но Кэсси успокаивала:

— Ты теперь Джеймс Морган из Швейцарии. Кому придёт в голову искать тебя здесь? К тому же прошло столько лет. Большинство тех людей либо мертвы, либо в тюрьме. Отпусти, Эдди. Просто живи.

Он пытался. Честно пытался. Но однажды вечером, сидя в кресле у камина, он вдруг достал старую пишущую машинку — антикварную, купленную по случаю у старьевщика, — и начал печатать. Сначала неуверенно, потом всё быстрее и быстрее. Слова лились потоком. Он писал историю своей жизни. Не ту, что была в газетах и полицейских отчётах, а настоящую: о брате, который его не понимал, о женщине, которая его спасла, о преступлениях, которые он совершил и искупил. Он писал ночи напролёт, и Кэсси, просыпаясь, видела свет в его кабинете и улыбалась: она знала, что это лучшая терапия.

Через год манускрипт был готов. Эдди озаглавил его «Липовое дело» — с горькой иронией, ведь именно так когда-то называлась его главная афера. Он не собирался публиковать рукопись. Просто хотел оставить след. Доказательство того, что он существовал — не только как Липовый Линди или Джеймс Морган, но как Эдвард Линден, человек со всеми его слабостями и достоинствами.

В последней главе своей книги он написал:

«Я часто думаю: можно ли обмануть систему и остаться честным? Можно ли нарушать закон во имя справедливости? Ответа нет. Вся моя жизнь — это липовое дело, попытка склеить разбитое зеркало. Но я понял одно: важно не то, сколько раз ты упал, а

то, сколько раз поднялся. И ещё важнее — кого ты держишь за руку, когда встаёшь. Кэсси держала мою руку. И, наверное, поэтому я ещё жив».

Он отложил перо, подошёл к окну и посмотрел на заснеженные горы. Вдалеке звонил колокол старинной церкви. Где-то там, за океаном, бурлил другой мир — мир судов, мафии, рекламы и бесконечной гонки. А здесь, в маленьком доме, было тихо.

Внезапно в дверь постучали. Эдди вздрогнул: в такой поздний час гостей не ждали. Он накинул халат и спустился вниз. На пороге стоял высокий мужчина в длинном пальто. Лицо показалось смутно знакомым, но Эдди не мог вспомнить откуда.

— Мистер Морган? — спросил незнакомец с лёгким американским акцентом. — Меня зовут Дэниел Шепард. Я журналист. Расследую обстоятельства дела «Штат против Донателло». Мне нужна ваша помощь.

Эдди замер. Сердце заколотилось. Прошлое настигло его. Он мог захлопнуть дверь, мог соврать, мог притвориться, что ничего не знает. Но вместо этого он услышал собственный голос:

— Проходите. Я расскажу вам всё.

Потому что в глубине души Эдди Линден знал: липовый покой не может длиться вечно. Истина всегда найдёт выход. А он, как никто другой, умел её преподнести.

С этими словами он распахнул дверь шире и впустил журналиста в дом. За окнами падал густой снег, заметая следы, а в камине уютно потрескивали дрова. Где-то наверху спала Кэсси, и её ровное дыхание наполняло дом покоем. Но Эдди знал: его история ещё не дописана. И следующая глава начинается прямо сейчас.

Глава 16: Гость из прошлого

Когда Эдди впустил незнакомца в дом, где-то глубоко внутри у него сработал старый, почти атрофировавшийся за годы покоя инстинкт самосохранения. Этот инстинкт обострился ещё в бытность «Скользкого Эдди», когда он в тёмных переулках Филадельфии уворачивался от кредиторов и обманутых клиентов. Сейчас, в тихой швейцарской гостиной, освещённой лишь пляшущим пламенем камина и торшером с зелёным абажуром, он внимательно изучал гостя.

Дэниел Шепард — так он представился — выглядел именно так, как должен выглядеть журналист-расследователь из плохого фильма: мятый плащ, несмотря на то что за окном минус десять и снег по колено, потрёпанный кожаный портфель, бледное лицо с трёхдневной щетиной и лихорадочный блеск в глазах. Но Эдди, привыкший иметь дело с мошенниками всех мастей, чувствовал фальшь. Что-то в этом Шепарде было не так. Слишком аккуратные руки для человека, который якобы месяцами роется в архивах. Слишком прямой взгляд, без тени смущения, когда он переступил порог незнакомого дома глубокой ночью.

— Итак, мистер Шепард, — произнёс Эдди, усаживаясь в кресло и жестом предлагая гостю расположиться на диване, — чем обязан? Вы сказали, что расследуете дело Донателло. Но это дело закрыто много лет назад. Приговоры вынесены, фигуранты либо мертвы, либо сидят. Что ещё можно раскопать?

Шепард достал из портфеля диктофон и положил его на журнальный столик, но не включил.

— Я ищу недостающее звено, мистер Морган. Точнее, человека. Эдварда Линдена. Вы ведь слышали о нём? Легендарный адвокат, известный как Липовый Линди. Правой руки дона Сальваторе. И одновременно — ключевого свидетеля, который уничтожил всю организацию.

Эдди даже бровью не повёл. За годы он научился владеть лицом не хуже профессионального игрока в покер. Но сердце пропустило удар.

— Слышал, разумеется. Кто ж не слышал. Но, насколько мне известно, Линден погиб во время перестрелки в порту. Это было во всех газетах.

— Официально — да, — Шепард позволил себе лёгкую усмешку. — Но я раскопал кое-какие документы. Знаете, работа журналиста сродни работе адвоката: нужно уметь находить лазейки. Я изучил отчёты о вскрытии, полицейские рапорты, свидетельства. И знаете что? Слишком много нестыковок. Пуля, которая якобы убила Линдена, прошла навылет, но тело было опознано только по документам, найденным при нём. Патологоанатом, проводивший экспертизу, вскоре после этого уволился и уехал за границу. А свидетель, подтвердивший личность покойного, исчез. Я провёл собственное расследование и пришёл к выводу: Эдвард Линден жив. И больше того, — он выдержал паузу, глядя прямо в глаза Эдди, — я думаю, что он сидит сейчас передо мной.

Тишина в комнате стала звенящей. Слышно было только, как за окном воет ветер и потрескивают дрова в камине. Эдди смотрел на журналиста, лихорадочно прикидывая варианты. Можно было продолжать отпираться. Можно было пригрозить полицией — всё-таки он законопослушный гражданин Швейцарии. Но что-то подсказывало ему: этот Шепард не отстанет. Если он уже напал на след, то рано или поздно докопается до истины. А значит, лучше взять ситуацию под контроль.

— Допустим, — медленно проговорил Эдди, откидываясь в кресле. — Чисто гипотетически. Если Линден действительно жив и сменил личность, зачем ему признаваться в этом журналисту? Что вы можете ему предложить, кроме угрозы разоблачения и, возможно, мести со стороны уцелевших приспешников мафии?

Шепард улыбнулся — на этот раз его улыбка показалась почти искренней.

— Я не собираюсь никого разоблачать. По крайней мере, не публично. Я хочу написать книгу. Не статью в жёлтой газетёнке, а настоящий документальный роман. Правдивую историю человека, который погрузился в бездну и сумел выбраться. Историю о братьях, о предательстве, об искуплении. Мне нужен не компромат. Мне нужна правда.

— Правда? — Эдди невесело рассмеялся. — Правда в том, что Линден был мошенником и негодяем. Что он покрывал убийц, отмывал деньги, лжесвидетельствовал. Что его брат умер, не дождавшись от него ничего, кроме разочарования. Что женщина, которую он любил, прошла через ад по его вине. Хорошенькая история для книги. Прямо житие святого.

— Но он же и уничтожил мафию, — возразил Шепард. — Он рискнул всем, чтобы исправить содеянное. Он спас невинного человека, который сидел в тюрьме из-за него. Роберт Данн — он сейчас на свободе, между прочим. И знаете, кто, по слухам, оплатил его адвоката для пересмотра дела? Анонимный благотворитель из Швейцарии.

Эдди промолчал. Он действительно отправлял деньги адвокату Данна, действуя через цепочку посредников. Видимо, где-то дал слабину, и след привёл к нему.

— Хорошо, — сказал он после долгой паузы. — Допустим, я тот, кого вы ищете. Что дальше? Вы пишете книгу, она становится бестселлером. Меня находят старые враги. Мою жену — тоже. Мы вынуждены снова бежать. Оно вам надо?

— Я могу написать книгу, не раскрывая вашего нынешнего имени и местонахождения, — пообещал Шепард. — Использую псевдоним для главного героя, изменю детали. Главное — получить вашу версию событий. Ваши воспоминания. Ваши мотивы.

Эдди задумался. Предложение звучало заманчиво. Он уже давно сам писал мемуары, но никому не показывал. Возможно, работа с профессиональным журналистом поможет ему придать истории завершённость. К тому же, если Шепард настроен серьёзно, лучше держать его поблизости — так легче контролировать.

— Я подумаю, — сказал он наконец. — Оставьте ваш телефон. И дайте мне неделю.

Шепард кивнул, оставил визитку и ушёл так же внезапно, как появился. Когда дверь за ним закрылась, Эдди обессиленно опустился в кресло. Сверху, со второго этажа, спустилась Кэсси, запахивая халат.

— Я всё слышала, — тихо сказала она. — Ты ведь понимаешь, что это может быть ловушка?

— Понимаю. Но если он уже всё знает, бежать бесполезно. Лучше узнать, кто за ним стоит.

— И как ты узнаешь?

— По старой привычке, — Эдди грустно усмехнулся. — Позвоню старым друзьям. У меня ещё остались кое-какие контакты.

Глава 17: Следы на снегу

Старые контакты — это громко сказано. После разгрома империи Донателло и многолетней жизни под прикрытием Эдди утратил почти все связи. Но один человек в Филадельфии всё ещё отвечал на звонки по защищённой линии: Лысый Тони. Несмотря на все передрыги, Тони умудрился сохранить маленькую типографию в подвале булочной и даже, по слухам, расширил бизнес, начав печатать фальшивые билеты на концерты и спортивные матчи.

Эдди набрал номер, который помнил наизусть. После трёх гудков трубку сняли.

— Алло?

— Тони, это Джеймс, — сказал Эдди, используя кодовое имя.

На том конце провода воцарилась пауза. Потом голос Тони, слегка дрогнувший, произнёс:

— Чёрт возьми, Лин... Джеймс. Я думал, ты уже на том свете.

— Пока нет. Слушай, у меня тут проблема. Ко мне приходил журналист, некий Дэниел Шепард. Говорит, что расследует дело Донателло и хочет написать книгу. Но мне кажется, он тёмная лошадка. Ты можешь пробить его по своим каналам?

— Шепард, говоришь? — Тони зашуршал бумагами. — Подожди. У меня есть доступ к паре баз данных. Если он настоящий журналист, то должен светиться в профессиональных реестрах. Если нет — тем более интересно.

— Спасибо, Тони. Ты настоящий друг.

— Дружба дружбой, а денежки врозь, — проворчал Тони, но в голосе его слышалась теплота. — С тебя должок. Когда-нибудь сочтёмся.

Через несколько часов на электронную почту Эдди пришло зашифрованное письмо. В нём содержалось досье на Дэниела Шепарда — и оно оказалось весьма любопытным. Настоящее имя журналиста было Дэниел Шепард, это правда. Он действительно работал репортёром в нескольких крупных изданиях, специализировался на криминальных расследованиях. Но два года назад он внезапно исчез из публичного поля. Ходили слухи, что он задолжал крупную сумму игорным синдикатам и вынужден был скрываться. Более того, Тони раскопал одну пикантную деталь: Шепард недавно получил перевод на крупную сумму от офшорной компании, связанной с остатками семьи Марино.

Эдди перечитал эту строчку несколько раз. Семья Марино. Значит, старые враги всё ещё ищут его. И, судя по всему, они подослали Шепарда, чтобы выманить Эдди из тени. Зачем? Возможно, хотят отомстить. Возможно, верят, что у него остались ключи к спрятанным счетам. Так или иначе, промедление грозило смертельной опасностью.

Он показал письмо Кэсси. Она побледнела.

— Мы должны немедленно уехать. Собрать вещи и исчезнуть.

— Куда? — Эдди покачал головой. — Если они нас нашли здесь, то найдут где угодно. Бегство только отсрочит неизбежное. Нужно действовать по-другому.

— Как?

— Играть на опережение, — Эдди прищурился, и в его глазах мелькнул тот самый, давно забытый азартный блеск. — Они думают, что загнали меня в угол. Но я всю жизнь выбирался из углов. Пора тряхнуть стариной.

На следующий день он снова пригласил Шепарда к себе — на этот раз официально, чтобы обсудить детали будущей книги. Журналист явился как по часам, всё с тем же диктофоном и портфелем. Эдди разыграл радушие: угостил кофе с коньяком, усадил в то же кресло, даже дров в камин подбросил.

— Я решил сотрудничать, — объявил он. — Ваше предложение насчёт книги кажется мне разумным. Но с одним условием: я буду контролировать, какие именно факты попадут в

текст. Имя менять не обязательно. Пусть будет Эдвард Линден. В конце концов, я уже мёртв официально, а мёртвые не подают в суд за клевету.

Шепард обрадовался и включил диктофон. Начался долгий разговор. Эдди рассказывал историю своей жизни, но делал это мастерски: дозировал правду, перемежал её полуправдой, а кое-где вставлял откровенные выдумки. Он внимательно следил за реакцией журналиста. И вскоре заметил, что тот задаёт слишком уж конкретные вопросы. Про счета. Про банки. Про то, где могли остаться непереданные ФБР документы.

— Послушайте, Шепард, — не выдержал наконец Эдди. — Вы ведь не просто писатель, верно? Вас наняли. Кто? Марино? Или кто-то из уцелевших капореджиме?

Улыбка сползла с лица журналиста. Он на мгновение замешкался, и этого оказалось достаточно, чтобы Эдди понял: догадка верна.

— Я не знаю, о чём вы, — попытался возразить Шепард, но голос его дрогнул.

— Да ладно вам, — Эдди откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. — Я двадцать лет имел дело с лжецами. Вы — любитель. Итак, выкладывайте. Кто вас прислал и зачем?

Шепард побледнел, покрутил головой, словно ему сдавило горло. Потом вздохнул и признался:

— Меня нанял человек по имени Джузеппе Трамонти. Он — племянник Дона Сэла. После разгрома семьи он долго скрывался в Южной Америке. Теперь он хочет восстановить былое влияние. Ему нужны деньги, которые дон спрятал на секретных счетах. Он считает, что вы — единственный, кто знает к ним доступ. И он готов на всё, чтобы их получить.

— На всё? — переспросил Эдди. — И на что же конкретно?

— Он приказал мне выяснить, где вы находитесь, и войти к вам в доверие. А когда я получу информацию, — тут Шепард осёкся.

— Ну же, договаривайте, — подбодрил его Эдди с ледяным спокойствием.

— Мне приказано передать ваши координаты... ликвидатору. Они собираются вас похитить. И пытаться, пока вы не отдадите ключи к счетам.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Эдди медленно встал, подошёл к камину и помешал кочергой угли.

— Хорошо, что вы признались, Шепард. Потому что, если бы вы этого не сделали, я был бы вынужден принять меры. А теперь — слушайте мой план.

Глава 18: Медовый месяц в Цюрихе

План, который предложил Эдди, был, как всегда, авантюрен до безрассудства. Он собирался не бежать от преследователей, а выйти им навстречу. Причём так, чтобы навсегда отбить у них желание охотиться за ним.

— Сколько человек работает на Трамонти? — спросил он Шепарда.

— Точно не знаю. Но со мной контактировал только один посредник — человек по имени Марко. Я встречался с ним в Цюрихе. Он и передавал мне инструкции и деньги.

— Значит, я поеду в Цюрих вместе с вами, — заявил Эдди. — Вы назначите встречу Марко. Скажете, что я клюнул на удочку и готов обсудить сделку. А дальше — импровизация.

Кэсси, услышав об этом, пришла в ужас.

— Ты сумасшедший! Это же самоубийство! Они убьют тебя сразу, как только ты покажешься!

— Не убьют, — возразил Эдди. — Я нужен им живым. По крайней мере, до тех пор, пока не получу доступ к счетам. А у меня будет козырь в рукаве. Ты останешься здесь, в безопасности. Если через три дня я не выйду на связь, ты отправишь в Интерпол анонимное письмо со всей информацией о Трамонти и его людях.

— А если они убьют тебя раньше, чем я успею?

— Тогда, значит, такова моя судьба. Но я не собираюсь умирать, Кэсси. Я ещё не дописал свою чёртову книгу.

Кэсси долго плакала, но в конце концов уступила. Она знала, что спорить с Эдди, когда в его глазах загорается этот огонёк, бесполезно.

Ранним утром они выехали в Цюрих. Шепард сидел за рулём, Эдди — на пассажирском сиденье. За окном проносились заснеженные альпийские пейзажи. Всю дорогу оба молчали. Каждый думал о своём. Эдди — о том, что снова ввязывается в опасную игру, из которой в прошлый раз едва выбрался живым. Шепард — о том, что предал своих нанимателей и теперь его жизнь висит на волоске.

В Цюрихе они сняли номер в дешёвом отеле на окраине города. Шепард отправил сообщение Марко: «Объект согласился на встречу. Жду инструкций». Ответ пришёл быстро: «Кафе „Белая роза“, завтра в полдень».

Эдди тщательно подготовился к встрече. Он надел свой старый ярко-зелёный пиджак, который хранил как талисман (и который чудом пережил все переезды). В карман положил диктофон, замаскированный под ручку. Под рубашку — тонкий бронежилет, купленный на чёрном рынке через всё того же Тони. Он знал, что встреча может обернуться перестрелкой, но всё равно шёл туда с гордо поднятой головой, словно актёр, выходящий на сцену в последний раз.

Кафе «Белая роза» располагалось в старом городе, в переулке, мощеном булыжником. За столиком у окна сидел плечистый мужчина с грубым лицом, одетый в дорогой, но безвкусный костюм. При виде Шепарда и Эдди он кивнул и жестом указал на свободные стулья.

— Синьор Линден, — произнёс он с сильным итальянским акцентом. — Рад познакомиться. Джузеппе Трамонти передаёт вам привет и предложение: вы отдаёте нам то, что принадлежало дону Сальваторе, а мы забываем о ваших грехах.

— Какое великодушие, — усмехнулся Эдди. — А с чего вы взяли, что у меня что-то есть?

Марко прищурился:

— У нас есть свидетели. Бывшие бухгалтеры, которые работали с вами. Они утверждают, что именно вы контролировали переводы средств на секретные счета. Дон Сэл доверял вам больше, чем кому-либо.

— Дон Сэл был старым параноиком, который никому не доверял до конца, — парировал Эдди. — Даже мне. Он менял пароли каждую неделю, а последний раз я видел эти счета десять лет назад. За это время многое могло измениться.

— Не притворяйтесь, — рыкнул Марко. — У нас нет времени на игры. Вы либо сотрудничаете, либо...

— Либо что? — Эдди спокойно смотрел ему в глаза. — Убьёте меня? Но тогда вы никогда не получите деньги. Пытать? Я старый человек, у меня слабое сердце. Могу не выдержать. Вам нужен живой и готовый к сотрудничеству я. Поэтому давайте обсудим условия, как цивилизованные деловые партнёры.

Марко удивлённо поднял брови. Он явно не ожидал такой наглости.

— Какие условия?

— Я отдам вам все известные мне данные о счетах. Взамен вы оставите в покое меня и мою жену. И прекратите попытки восстановить империю Донателло. Дона больше нет. Марино нет. Фрэнки Нерво в тюрьме до конца жизни. Возвращаться некуда. Возьмите деньги и исчезните. Начните новую жизнь, как это сделал я.

— С чего вы взяли, что можете диктовать условия? — Марко начинал злиться.

— С того, — Эдди вынул из кармана диктофон и показал ему, — что весь этот разговор записывается. И если со мной что-то случится, запись попадёт не только в полицию, но и в прессу. А вместе с ней — имена, адреса, детали операций. Вся ваша конспирация рухнет в одночасье.

Марко побагровел. Его рука дёрнулась к внутреннему карману пиджака, но Эдди предостерегающе поднял палец:

— Не стоит. Здесь полно людей. Свидетели, камеры наблюдения. Убийство среди бела дня в центре Цюриха — это вам не Филадельфия девяностых. Здесь другие законы и другая полиция. Вы этого не хотите.

Несколько мгновений Марко сверлил его взглядом, полным ненависти. Потом медленно опустил руку.

— Чего вы хотите?

— Я же сказал: встречу с Трамонти лично. Пусть прилетает сюда. Я предоставлю ему доступ к счетам в обмен на гарантии безопасности. Если он согласен, пусть свяжется со мной через Шепарда. Если нет — я уничтожаю все данные и мы навсегда расстаёмся.

Марко молчал. Потом резко встал и вышел из кафе, не сказав ни слова. Эдди выдохнул. Первый раунд остался за ним.

Глава 19: Лицом к лицу

Следующие несколько дней прошли в нервном ожидании. Эдди и Шепард остались в Цюрихе, не зная, последует ли ответ от Трамonti. Кэсси звонила каждый вечер, и Эдди, как мог, успокаивал её, но сам не находил себе места. Он вновь оказался в центре опасной игры, и хотя старые навыки вернулись к нему, как к пловцу — умение держаться на воде, возраст давал о себе знать. Сердце иногда пошаливало, да и нервы были уже не те.

На пятый день Шепарду пришло сообщение: «Трамonti согласен. Встреча завтра в старом портовом складе на окраине Цюриха. Пусть приходит один». Эдди знал, что склад — идеальное место для засады. Но выбора не оставалось. Он подготовил новый диктофон, на этот раз с радиопередатчиком, который через спутник транслировал запись на сервер ФБР (старые связи с Маллоу и Васкес всё ещё работали — они были предупреждены и обещали наблюдать за ситуацией). В нагрудном кармане лежало фальшивое удостоверение Интерпола, изготовленное Тони экстренно и доставленное курьером. Эдди надеялся, что демонстрация связи с правоохранительными органами остудит пыл мафиози.

На склад он отправился в одиночку — как и требовали условия. Шепард остался в отеле, дрожа от страха. Здание склада встретило Эдди затхлым запахом старого дерева и сырости. В полумраке горели тусклые лампочки. Посреди пустого зала, на деревянном ящике, сидел человек. Он был одет в длинное чёрное пальто, его лицо закрывала тень, но когда он поднялся навстречу гостю, Эдди узнал черты Дона Сэла — те же пронзительные глаза, тот же волевой подбородок. Джузеппе Трамonti действительно был племянником старого дона, и сходство оказалось пугающим.

— Мистер Линден, — произнёс Трамonti мягким, почти вкрадчивым голосом. — Я много о вас слышал. Мой дядя считал вас гением.

— Ваш дядя был прагматиком, — ответил Эдди, останавливаясь в нескольких метрах. — И он понимал, когда стоит остановиться. Чего не скажешь о вас.

Трамonti усмехнулся:

— Дерзко. Мне говорили, вы не робкого десятка. Что ж, перейдём к делу. Вы предлагаете мне счета. Что вы хотите взамен?

— Гарантии, — Эдди перешёл на деловой тон. — Во-первых, вы оставляете в покое меня и мою семью. Во-вторых, вы распускаете то, что осталось от вашей организации. Хватит смертей. Хватит мести. Возьмите деньги и уезжайте куда-нибудь далеко. В Бразилию, в Таиланд — куда угодно. Живите спокойно.

— А если я не соглашусь?

— Тогда я звоню в Интерпол. У меня на связи — два бывших агента ФБР, которые знают о моей операции. Через десять минут здесь будет полицейский спецназ. Я предусмотрел такой вариант.

Трамonti рассмеялся — но смех его был невесёлым, скорее нервным.

— Вы блефуете, Линден. Вы всю жизнь блефуете. Но на этот раз я играю не в карты. Я играю по-крупному.

Он хлопнул в ладоши, и из темноты выступили четверо вооружённых головорезов. Эдди оказался в кольце.

— Я знал, что вы попытаетесь меня обмануть, — продолжал Трамonti. — Поэтому я приготовил сюрприз. Сейчас вы отдадите мне все данные о счетах. Или я прикажу своим людям стрелять.

Эдди медленно поднял руки, показывая, что не вооружён. Но на лице его играла лёгкая усмешка.

— Прежде чем вы это сделаете, позвольте один вопрос: вы знаете, что ваш дядя хранил не только деньги, но и компромат на каждого члена семьи? Включая вас.

Трамонти нахмурился:

— Что за чушь?

— Это не чушь. В банковской ячейке, которую я вскрыл после смерти Маркуса, лежали не только документы на фирмы-однодневки, но и личное дело Джузеппе Трамонти. Там есть сведения о ваших юношеских грехах. Например, об убийстве сотрудника портовой полиции в девяносто пятом. Дон Сэл тогда вас прикрыл, но оставил запись — на всякий случай. И эта запись сейчас в надёжном месте. Если я погибну, она станет достоянием общественности.

Лицо Трамонти исказилось. Это был удар ниже пояса. Эдди блефовал лишь отчасти: в документах Маркуса действительно упоминался некий инцидент, но без имён. Однако интуиция подсказывала ему, что Трамонти замешан в чём-то подобном. И судя по реакции, интуиция не подвела.

— Ты... — прошипел Трамонти. — Ты заплатишь за это.

— Возможно, — спокойно ответил Эдди. — Но не сегодня. И не здесь.

Он медленно опустил руку в карман и достал диктофон.

— Этот разговор также записывается. Прямая трансляция. Федералы всё слышат. Через минуту здесь будет полиция. Уходите, пока не поздно.

В этот момент действительно послышались далёкие сирены. Трамонти выругался по-итальянски и отдал приказ своим людям. Те нехотя опустили оружие. Трамонти бросил на Эдди полный ненависти взгляд и быстро скрылся в темноте склада, за ним последовали его люди.

Эдди стоял один посреди пустого помещения, сердце колотилось как бешеное. Сирены приближались. Он вышел на улицу, под холодный ночной дождь, и глубоко вздохнул. Второй раунд тоже остался за ним.

Глава 20: Последний аккорд

После инцидента на складе Трамонти на время затаился. Эдди вернулся в свой альпийский домик, где его ждала Кэсси. Они обнялись так крепко, словно не виделись вечность. Шепард, полностью разочаровавшийся в своих нанимателях, решил порвать с криминалом и действительно заняться книгой — но на этот раз честно, с благословения самого Линдена.

В течение нескольких месяцев они вместе работали над рукописью. Эдди рассказывал всё: о детстве, о брате, о первой афере, о славе Липового Линди, о падении и искуплении. Шепард записывал, задавал вопросы, иногда спорил. Кэсси иногда присоединялась, добавляя свои воспоминания. Получалась удивительная по силе исповедь.

Но старые раны не заживают быстро. Однажды утром Эдди получил конверт без обратного адреса. Внутри лежала фотография: на ней был изображён он сам, стоящий на балконе своего дома, снятый через оптический прицел. На обороте — короткая надпись: «Долг не прощён».

Кэсси, увидев это, побледнела. Эдди нахмурился.

— Значит, не успокоились.

— Мы должны уехать, — прошептала она. — На этот раз по-настоящему. Сменить имена, страну, всё.

— Нет, — твёрдо сказал он. — Я устал бегать. Если Трамонти хочет меня убить, пусть попробует. Но я сделаю так, что даже после моей смерти он не получит ни цента.

Он связался с Маллоу и объяснил ситуацию. Экс-агент, уже вышедший на пенсию, но сохранивший связи, пообещал помочь.

— Мы можем организовать операцию по захвату, — сказал Маллоу. — Но для этого нужны неопровержимые доказательства угроз. Фотографии недостаточно.

— Будут доказательства, — ответил Эдди.

Он разработал финальный, самый дерзкий план. Через Шепарда он передал Трамонти предложение: последняя встреча в условленном месте, где Эдди готов лично передать пароли от счетов. На самом деле он договорился с ФБР о засаде. Трамонти, ослеплённый жадностью и ненавистью, клюнул.

Местом встречи выбрали уединённое шале в горах, то самое, где когда-то арестовали Фрэнки Нерво. Символично. Эдди приехал туда первым, в сопровождении Кэсси и Шепарда. Вскоре появился Трамонти с двумя телохранителями. Начался разговор. Эдди тянул время, дожидаясь сигнала от ФБР.

Но что-то пошло не так. Сигнала не было. Связь отказала. Позже выяснилось, что люди Трамонти заглушили радиосигнал в этом районе. План рушился.

Трамонти потерял терпение.

— Хватит игр, Линден! Пароли! Живо!

Эдди переглянулся с Кэсси. В её глазах стоял страх, но и решимость. Он сжал её руку и сказал:

— Хорошо. Я скажу. Подойдите ближе.

Трамонти приблизился, и в этот момент Кэсси, незаметно доставшая из сумки маленький газовый баллончик, прыснула ему в лицо. Трамонти взвыл. Эдди бросился на пол, увлекая Кэсси за собой. Шепард, преодолевая дрожь, толкнул на телохранителей тяжёлый канделябр. Началась свалка. Выстрелы. Эдди закрыл собой жену.

И тут в шале ворвались агенты в масках — запоздавшие, но всё же прибывшие. Завязалась короткая перестрелка. Трамонти был ранен и схвачен. Его людей обезвредили. Эдди получил касательное ранение плеча, но остался жив. Кэсси, бледная как смерть, прижималась к нему, пока санитары перевязывали рану.

— Ты сумасшедший, — повторяла она сквозь слёзы. — Ты невозможный, сумасшедший, любимый идиот.

— Я знаю, — прошептал он, глядя её волосы. — Но зато теперь всё кончено.

Глава 21: Под солнцем Тосканы

Год спустя.

На склоне тосканского холма, среди оливковых рощ и виноградников, стоял маленький каменный дом с терракотовой крышей. В саду, увитом плющом, на скамейке сидел пожилой мужчина с седыми висками и читал книгу. Это был Эдди Линден — или, точнее, тот, кем он стал после всех перипетий. Официально он всё ещё носил имя Джеймс Морган, но для соседей был просто синьор Эдуардо, добродушный американский пенсионер, обожающий готовить пасту и рассказывать байки.

Кэсси, теперь уже синьора Сара, возилась в саду с цветами. Она немного поправилась, щёки порозовели, в волосах прибавилось серебра, но улыбка осталась той же — озорной и чуть грустной. Шепард навещал их раз в пару месяцев, привозил черновики книги и свежие новости из большого мира. Его документальный роман «Липовое дело» уже готовился к публикации — с изменёнными именами и местом действия, но с сохранением духа подлинной истории. Эдди прочитал рукопись и одобрил, хотя некоторые эпизоды попросил смягчить: «Не стоит травмировать публику лишними подробностями. Пусть думают, что это художественный вымысел».

Жизнь текла размеренно и тихо. Но иногда по вечерам, сидя на террасе с бокалом кьянти, Эдди доставал старую гитару, купленную на блошином рынке, и наигрывал мелодии, слышанные когда-то в детстве. Кэсси подпевала, и их голоса сплетались, уносясь в звёздное небо. В такие минуты ему казалось, что он наконец-то обрёл то, что искал всю жизнь: не славу, не деньги, не признание брата, а простой, человеческий покой. Покой, за который он заплатил слишком высокую цену.

Но старые привычки не исчезают бесследно. Иногда он ловил себя на том, что машинально анализирует виноградник соседа с точки зрения возможных налоговых льгот, или придумывает схему, как помочь местному фермеру оспорить штраф за вырубку деревьев. И тогда он усмехался про себя: «Липовый Линди жив». Только теперь он использовал свои таланты исключительно во благо.

Однажды утром к ним в дом постучался незнакомый молодой человек. Представился студентом юридического факультета из Рима, пишущим дипломную работу о знаменитых адвокатах-мошенниках. Он разыскал Эдди по наводке одного из бывших клиентов (видимо, слухи всё же ходили). Эдди, недолго думая, пригласил его к столу и за чашкой кофе рассказал пару забавных историй, опустив, впрочем, самые мрачные детали. Студент слушал с горящими глазами. Уходя, он спросил:

— Синьор Эдуардо, как вы думаете, можно ли назвать Липового Линди героем или злодеем?

Эдди задумался, глядя на далёкие холмы, подёрнутые утренней дымкой.

— Знаете, — сказал он наконец, — есть старая юридическая шутка: «Правда — это то, что удалось доказать». А жизнь куда сложнее судебного протокола. Каждый из нас — и герой, и злодей в зависимости от того, с какой стороны посмотреть. Я просто старался выжить. И по возможности не навредить.

Студент поблагодарил и ушёл. Кэсси, стоявшая в дверях, улыбнулась:

— Философ из тебя получился лучше, чем адвокат.

— Адвокат — тот же философ, только с гонораром, — отшутился он.

Вечером они сидели на террасе, смотрели на закат. Где-то далеко, за океаном, шумели города, гремели суды, строились мафиозные империи и рушились судьбы. А здесь, под солнцем Тосканы, было тихо. Только ветер шелестел оливковыми листьями, да старый пёс соседа лениво лаял на пролетающих птиц.

Эдди обнял Кэсси за плечи и сказал:

— Знаешь, а ведь я ни о чём не жалею. Даже о том, что сидел когда-то в маникюрном салоне и мечтал о больших деньгах.

— Потому что иначе мы бы не встретились? — спросила она.

— И поэтому тоже, — он улыбнулся. — Но главное — иначе я не стал бы тем, кто я есть сейчас. А мне, чёрт возьми, нравится быть мной.

Она рассмеялась и уткнулась носом в его плечо. Солнце опускалось за горизонт, окрашивая небо в золотые и розовые тона. Где-то в доме зазвонил телефон, но они не пошли отвечать. Пусть мир подождёт. Они своё уже отвоевали.

А на журнальном столике, забытая, лежала рукопись «Липового дела», раскрытая на последней странице. Там, в эпилоге, рукой Эдди было написано:

«Если вы держите в руках эту книгу, знайте: всё, что здесь описано, — правда. И вместе с тем — ложь. Потому что жизнь нельзя уместить в слова. Она больше, страшнее и прекраснее любой выдумки. Живите так, чтобы вам было что рассказать. И пусть ваш адвокат будет всегда на вашей стороне. Даже если он — вы сами».

Конец одной истории. И начало множества других

Глава 22: Тени в оливковой роще

Тосканское утро разбудило Эдди ароматом свежесмолотого кофе и стрекотом цикад. Он вышел на террасу в своей любимой полосатой пижаме и с чашкой в руке, щурясь от мягкого сентябрьского солнца. Кэсси уже возилась в саду, подвязывая ветки томатов, и что-то мурлыкала себе под нос — итальянскую песенку, которую выучила у соседки синьоры Розальбы. В такое утро казалось, что весь мир создан исключительно для покоя и простых радостей. Но что-то тревожило Эдди — смутное, неоформленное ощущение, как звон комара в ночной тишине.

Вчера вечером, выгуливая соседского пса — лохматого беспородного Бискотто, которого они взяли на передержку, пока хозяева уехали в Рим, — он заметил на просёлочной дороге тёмный седан с французскими номерами. Машина стояла на обочине, метрах в двухстах от их дома, и водитель, показалось, внимательно разглядывал их калитку. Когда Эдди приблизился, автомобиль сорвался с места и укатил в сторону шоссе, подняв облако пыли. Он тогда не придал значения — мало ли кто заплутал в холмах. Но ночью, лёжа без сна, он прокручивал эту сцену снова и снова, и старая, давно забытая паранойя начинала просыпаться.

Теперь, стоя на террасе, он вглядывался в оливковую рощу, спускавшуюся по склону. Солнечные лучи пронизывали кроны, создавая причудливую игру света и тени. И в одной из этих теней ему почудилось движение. Не ветка, не птица — человеческая фигура, замершая за стволом старого дерева. Сердце пропустило удар. Эдди поставил чашку на перила и медленно, стараясь не делать резких движений, вернулся в дом.

— Кэсси, — позвал он тихо, но с такой интонацией, что она мгновенно оставила садовые ножницы и подняла голову. Он редко говорил таким голосом — разве что в те страшные месяцы, когда они жили под программой защиты. — Зайди в дом, пожалуйста. И запри дверь.

Она не стала спорить, не стала задавать лишних вопросов. Просто вытерла руки о передник, вошла и закрыла за собой тяжёлую деревянную дверь, щёлкнув засовом. Глаза её расширились, но она молчала, ожидая объяснений.

Эдди достал из платяного шкафа старый бинокль — ещё с тех времён, когда они ходили в горы наблюдать за орлами, — и приник к окну гостиной, аккуратно отодвинув занавеску. Он методично осматривал рощу, стараясь не упустить ни малейшего шевеления. Прошла минута, другая. Тишина. Только ветер колышет листву. Может, показалось?

И вдруг — снова. Человек в тёмной одежде перебежал от одного дерева к другому, явно стремясь остаться незамеченным. Затем ещё один, чуть дальше. Двое. Эдди похолодел. Это не случайные туристы. Это наблюдатели. Или хуже — группа захвата.

— Кэсси, собирай тревожную сумку, — скомандовал он, не оборачиваясь. — Документы, деньги, лекарства. Быстро.

Она кивнула и исчезла в спальне. Эдди продолжал следить. Двое неизвестных переговаривались по рации — он видел, как один из них поднёс руку к уху. Потом они начали медленно приближаться к дому, прячась за деревьями и кустами. Профессиональная работа. Сердце колотилось, но ум, отточенный десятилетиями адвокатской практики и криминальных разборок, уже просчитывал варианты. Кто это мог быть? Люди Трамонти? Но тот сидит в тюрьме, его сеть разгромлена. Может, кто-то из старых врагов, о ком он даже не думал? Или... ФБР? Нет, у федералов другие методы.

Он вдруг вспомнил о книге Шепарда. Несколько месяцев назад она вышла в свет, став бестселлером. Шепард изменил имена, локации, но общая канва осталась узнаваемой для посвящённых. Эдди тогда предупреждал его: «Будь осторожен. Даже если ты заменишь Филладельфию на Бостон, а мафию — на корпоративных рейдеров, те, кто знают правду, узнают себя. А узнав — могут прийти за мной». Шепард клялся, что принял все меры предосторожности, но, видимо, этого оказалось недостаточно.

Кэсси вернулась с небольшой спортивной сумкой через плечо. Она была бледна, но собрана — за годы жизни с Эдди она научилась быстро реагировать на опасность.

— Есть запасной выход? — спросила она.

— Через погреб в сарай, а оттуда — к старой мельнице. Помнишь тропу?

— Помню.

— Тогда иди первой. Я задержу их на несколько минут.

— Нет! — она вцепилась в его руку. — Только вместе.

Он посмотрел ей в глаза и увидел ту же решимость, что и много лет назад, когда она, рискуя карьерой, помогала ему рыться в архивах брата. Он сжал её ладонь.

— Хорошо. Тогда бежим вместе. Но если что — не оборачивайся.

Они спустились в погреб, пропахший плесенью и старым вином, открыли неприметную дверь, замаскированную под стеллаж, и поползли по узкому проходу. Через минуту они уже были в сарае, заваленном сеном. Эдди осторожно приоткрыл наружную дверь и выглянул. Фигуры приближались к дому с парадного входа. У них ещё был шанс.

Пригибаясь, они побежали вдоль живой изгороди к зарослям ежевики, за которыми началась крутая тропа вниз по склону. Колючки цеплялись за одежду, ветки хлестали по лицу, но они упорно пробирались вперёд. Сзади послышался приглушённый хлопок — похоже, входную дверь вышибли. Затем крики на итальянском. Значит, не мафия, а кто-то местный? Или наёмники из Европы?

Добравшись до старой мельницы, полуразрушенной и давно заброшенной, они остановились перевести дух. Оба тяжело дышали, одежда промокла от пота и утренней росы. Эдди достал мобильный телефон, собираясь позвонить Маллоу, но связи не было — слишком далеко от города.

— Что будем делать? — прошептала Кэсси.

— Идти в деревню. Там есть полицейский участок. Маленький, но всё же. Если это бандиты, они не решатся нападать при свидетелях. А если полиция — тем более.

— А если это полиция? — резонно спросила она. — Что, если нас выследило итальянское бюро по борьбе с мафией? Ты же знаешь, что Интерпол до сих пор не закрыл дело Донателло.

Эдди задумался. Такой вариант он тоже рассматривал. Если итальянские власти узнали, что под именем Джеймса Моргана скрывается бывший адвокат мафии, они могли решить, что он продолжает преступную деятельность. Или, что вероятнее, кто-то из врагов подбросил им ложную информацию.

— В любом случае, надо выяснить, — решил он наконец. — Пойдём. Только осторожно.

Они спустились в деревню кружным путём, стараясь не попадаться на глаза редким прохожим. Полицейский участок располагался в крошечном здании бывшей почты, где обычно дежурил один-единственный карабинер — пожилой сержант Лоренцо, давний приятель Эдди (они иногда играли в шахматы в местном баре). Именно к нему Эдди и решил обратиться — неофициально.

Сержант, увидев взъерошенного «синьора Эдуардо» с женой, удивлённо поднял брови. Выслушав сбивчивый рассказ о незнакомцах в роще, он почесал седой ус и покачал головой:

— Странно. Сегодня утром мне поступил звонок из Флоренции. Приезжала какая-то комиссия по борьбе с мошенничеством в сфере сельского хозяйства. Они проверяют несколько ферм. Может, они просто осматривали ваши угодья? У вас же есть оливковая роща.

— Без предупреждения? Без ордера? — усомнился Эдди. — И они не представились. Разве так работает комиссия?

Сержант пожал плечами:

— Иногда они действуют неофициально, чтобы застать врасплох. Я позвоню в управление, уточню.

Он удалился в соседнюю комнату, оставив Эдди и Кэсси ждать. В участке пахло табаком и старой бумагой, на стене висел портрет президента республики. Кэсси нервно теребила ремешок сумки, Эдди барабанил пальцами по подлокотнику. Что-то не сходилось. Если это проверка, почему они убегали? Почему выломали дверь?

Через десять минут сержант вернулся, и лицо его было мрачнее тучи.

— Синьор Морган, боюсь, у вас серьёзные неприятности. Из Флоренции подтвердили: никакой комиссии в ваш район не выезжало. Зато им поступил запрос от французской полиции. Они разыскивают человека, похожего на вас. Обвинение в отмывании денег и связях с организованной преступностью. Очень серьёзные обвинения. Я обязан задержать вас до выяснения обстоятельств.

Эдди и Кэсси переглянулись. Ловушка захлопнулась.

Глава 23: Старый знакомый

Эдди не стал сопротивляться. Он прекрасно понимал, что побег только усугубит ситуацию, превратив его из потенциальной жертвы недоразумения в настоящего преступника. Сержант Лоренцо, скрепя сердце, запер его в крошечной камере — скорее, чулане с решёткой, где обычно дремали подвыпившие туристы, — а сам отправился звонить в прокуратуру. Кэсси, бледная как мел, осталась в приёмной на жёстком стуле, прижимая к груди сумку.

В камере пахло хлоркой и старыми газетами. Эдди сел на продавленную койку и попытался привести мысли в порядок. Французская полиция? Отмывание денег? Они никогда не жили во Франции. Деньги, которые у них были, — законные средства, унаследованные от мифического дядюшки (легенда, разработанная ФБР). Все налоги уплачены. Документы безупречны. В чём же дело?

Через час в участок ворвался Шепард. Он выглядел так, словно не спал несколько суток: рубашка мятая, под глазами мешки, волосы всклокочены. Увидев Кэсси, он бросился к ней:

— Я узнал! Я всё узнал! Это из-за книги! Один из персонажей — я изменил имя, но один из эпизодов слишком точно совпал с реальным случаем в Марселе. Оказывается, там до сих пор расследуют дело об отмывании через подставные винные погреба. Интерпол сопоставил детали из книги с показаниями анонимного свидетеля и вышел на след «Джеймса Моргана». Это моя вина! Я не додумался проверить французские архивы!

Кэсси схватила за голову. Вот оно что. Значит, за ними пришли не старые враги, а законники, принявшие художественный вымысел за чистую монету. Или, что более вероятно, кто-то из старых недругов намеренно подбросил эту информацию французам, используя книгу как наводку.

Шепард потребовал встречи с сержантом и попытался объяснить, что произошло недоразумение, что книга — лишь вольная фантазия, не основанная на реальных событиях, но сержант только разводил руками:

— Решать будет судья. Завтра вашего друга отвезут во Флоренцию. Там разберутся.

Ночь Эдди провёл в камере, обдумывая план действий. Он понимал, что без посторонней помощи не обойтись. Старые связи с Маллоу и Васкес — вот его единственная надежда. Но как дать им знать? Телефона у него не было, сержант Лоренцо, при всей симпатии, не нарушит протокол. Оставалось рассчитывать на Кэсси и Шепарда.

Утром за ним прибыл полицейский фургон. Кэсси успела шепнуть: «Я позвоню тому ирландцу. Держись». Эдди кивнул, и его увели. По дороге во Флоренцию, глядя в зарешечённое окно на проплывающие кипарисы, он в очередной раз прокручивал в голове свою жизнь. Казалось бы, всё улеглось, всё успокоилось — и вот опять. Судьба, как назойливый кредитор, не желала оставить его в покое.

Во Флоренции его поместили в следственный изолятор при городском суде. Допросы начались почти сразу. Следователь, немолодой сухопарый итальянец с усталым взглядом по имени комиссар Риццо, вёл себя подчёркнуто корректно, но жёстко. Он выложил на стол распечатки из книги Шепарда, выделив маркером несколько абзацев, и попросил объяснить, откуда автору известны детали марсельской схемы.

— Эта схема точь-в-точь повторяет ту, которую использовала группа Донателло в девяностых для легализации доходов от контрабанды, — говорил Риццо, сверля Эдди взглядом. — Мы проверили: вы, Джеймс Морган, по документам являетесь коммивояжёром, никогда не были во Франции, не имеете отношения к виноделию. Но анонимный информатор утверждает, что вы — Эдвард Линден, бывший адвокат мафии, инсценировавший свою смерть. И что вы лично разработали ту самую марсельскую схему. Как вы это объясните?

Эдди сохранял спокойствие. Он ожидал подобных вопросов и подготовил линию защиты заранее — ещё тогда, когда согласился на публикацию книги.

— Комиссар, — сказал он с лёгкой улыбкой, — я понимаю ваше рвение, но вынужден вас разочаровать. Я действительно читал эту книгу. Более того, я знаком с автором. Он консультировался со мной по вопросам юридической терминологии — я ведь когда-то изучал право в Штатах, до того как переехать в Европу. Но всё остальное — плод его воображения. Вы же не будете обвинять Данте в том, что он лично путешествовал по кругам ада?

Риццо хмыкнул:

— Остроумно. Однако у нас есть свидетель, который утверждает обратное.

— Свидетель? — насторожился Эдди. — Позвольте узнать, кто?

— Это конфиденциальная информация. Но скажу так: этот человек был близок к семье Донателло. Он заявляет, что может опознать вас.

Эдди перебрал в уме всех возможных кандидатов. Фрэнки Нерво в тюрьме, Трамонти тоже. Кто-то из мелких сошек, избежавших ареста? Или сам дон Марино, который, по слухам, скрывается в Европе? Сердце забилося чаще, но внешне он остался невозмутим.

— Что ж, — медленно произнёс он, — если ваш свидетель готов дать показания под присягой, я готов с ним встретиться. Но предупреждаю: это может быть ловушка. Врагов у меня, увы, хватает. Даже если я простой коммерсант, завистники найдутся везде.

Риццо пристально посмотрел на него, но ничего не сказал.

Тем временем Кэсси связалась с Патриком Маллоу. Экс-агент, наслаждавшийся пенсией во Флориде, выслушал её сбивчивый рассказ и присвистнул.

— Вот же влип старый лис. Ладно, Сара, не волнуйся. У меня остались знакомые в Интерполе. Попробую узнать, что за свидетель и откуда ветер дует.

Через несколько дней Маллоу перезвонил. Голос его был встревожен.

— Плохие новости. Свидетель — некто Марко Росси. Слышали о таком?

— Марко? — Кэсси ахнула. — Это тот тип, с которым мы встречались в Цюрихе! Правая рука Трамонти! Он должен быть в тюрьме!

— Он сбежал полгода назад при этапировании. И, похоже, решил отомстить. Он заключил сделку с французскими властями: даёт показания на «Линдена» в обмен на иммунитет по своим старым делам. У него фальшивые документы, но он клянётся, что готов опознать Эдди лично. Если это случится, твоему мужу грозит экстрадиция в Штаты, а там — пожизненное за старые грехи, невзирая на сотрудничество с ФБР. Формально срок давности по многим преступлениям не истёк.

Кэсси похолодела. Она тут же передала эту информацию адвокату, которого нанял Шепард для защиты Эдди — молодому, но амбициозному флорентийскому юристу по имени Маттео Сальери. Тот, изучив дело, выдвинул смелое предложение: добиться очной ставки с Марко и доказать, что свидетель лжёт. Но для этого нужны были доказательства, что Марко — преступник, находящийся в розыске, и что его показания продиктованы личной мстью.

Эдди, сидя в камере, разрабатывал стратегию. Он понимал, что очная ставка — это огромный риск. Марко знал его в лицо, мог описать детали их встречи в Цюрихе. Но если удастся дискредитировать свидетеля, обвинение рассыплется. План требовал ювелирной работы и помощи извне. К счастью, у него ещё оставались козыри. Один из них — компрометирующие документы на Марко, которые он предусмотрительно сохранил.

Началась долгая, нервная подготовка. Кэсси и Шепард мотались между Флоренцией, Римом и Берном, собирая справки, свидетельства, копии приговоров. Маллоу через свои каналы сумел переслать кое-какие бумаги из архивов ФБР — естественно, неофициально. Адвокат Сальери готовил ходатайства.

И вот настал день решающего заседания.

Глава 24: Синдром Липового Линди

Зал суда во Флоренции поражал воображение: высокие сводчатые потолки, фрески эпохи Возрождения на стенах, тяжёлые дубовые скамьи. Казалось, здесь должны судить Медичи, а не бывшего адвоката из Филадельфии. Эдди, облачённый в скромный тюремный костюм (адвокат Сальери настоял, чтобы он выглядел максимально безобидно), сидел на скамье подсудимых и с интересом разглядывал публику. Среди зрителей он заметил Кэсси, бледную, но полную решимости, и Шепарда, нервно теребящего блокнот. В заднем ряду примостился неприметный мужчина в штатском — Маллоу, прилетевший лично поддержать бывшего подопечного.

Прокурор, синьора Альберти, полная энергичная женщина с громким голосом, зачитывала обвинительное заключение. Эдди слушал вполуха — он знал текст наизусть. Главное должно было начаться позже.

— Пригласите свидетеля обвинения, синьора Марко Росси, — объявил судья.

Дверь открылась, и в зал вошёл он — тот самый плечистый мужчина, с которым Эдди встречался в цюрихском кафе. Марко похудел, осунулся, но держался нагло. Он прошествовал к свидетельскому месту, окинул зал презрительным взглядом и, заметив Эдди, слегка ухмыльнулся.

— Синьор Росси, — начала прокурор, — скажите, узнаете ли вы кого-нибудь в этом зале?

— Да, — Марко ткнул пальцем в сторону подсудимого. — Вон тот человек — Эдвард Линден, известный как Липовый Линди. Я встречался с ним в Цюрихе в две тысячи пятом году. Он предлагал мне участвовать в схеме по отмыванию денег через подставные винные компании.

Зал загудел. Судья призвал к тишине. Настала очередь защиты.

Адвокат Сальери поднялся и, поправив очки, обратился к свидетелю:

— Синьор Росси, скажите, а чем вы сами занимались в Цюрихе в тот период? Кем вы работали?

Марко замялся:

— Я был... торговым представителем.

— Торговым представителем, — повторил Сальери. — У вас есть документы, подтверждающие это?

— Я их утерял.

— Понимаю. А не могли бы вы прояснить, почему в базе данных Интерпола вы числитесь как активный член преступной организации, осуждённый за вымогательство, похищение людей и соучастие в убийстве? И почему вы находитесь в международном розыске?

Марко побагровел:

— Это ложь! Я невиновен! Меня подставили!

— Подставили? — Сальери вынул из папки несколько листов. — У меня здесь копия приговора миланского суда от две тысячи третьего года, где вы осуждены заочно на двенадцать лет тюрьмы. А также ордер на ваш арест, выданный французскими властями. Вы сбежали из-под стражи полгода назад. И теперь вы даёте показания против человека, которого обвиняете в связях с мафией. Не кажется ли вам, что ваши слова продиктованы желанием заключить сделку со следствием и избежать наказания?

Прокурор попыталась протестовать, но судья отклонил протест. Марко заёрзал на стуле, пот выступил у него на лбу.

— Я говорю правду! — выкрикнул он. — Этот человек — Линден! Я узнал его!

— Давайте проверим вашу память, — спокойно продолжил Сальери. — Вы утверждаете, что встречались с моим подзащитным в Цюрихе в две тысячи пятом году. Опишите, пожалуйста, то место.

— Это было кафе в старом городе. Маленькое, с белыми скатертями.

— Кафе «Белая роза», не так ли?

— Да, точно! — оживился Марко. — Именно «Белая роза»!

Сальери улыбнулся и повернулся к судье:

— Ваша честь, позвольте представить документ из муниципального архива Цюриха. Кафе «Белая роза» прекратило своё существование в две тысячи втором году и было перестроено в аптеку. В две тысячи пятом по этому адресу находился магазин оптики. Свидетель не мог там встречаться с кем бы то ни было.

По залу прокатился вздох. Марко выпучил глаза. Он понял, что попал в ловушку. Адвокат Сальери продолжал, методично разбивая каждое утверждение свидетеля: он предъявлял доказательства, что в указанные дни Марко находился в другом городе (данные сотового оператора), что его финансовые счета не подтверждали версию о коммерческой деятельности, что у него был мотив для оговора. Через час показания Марко рассыпались, как карточный домик.

Последним ударом стало появление нового свидетеля — человека, которого никто не ожидал увидеть. В зал вошёл старый, сгорбленный мужчина с тростью. Это был не кто иной, как бывший агент ФБР Патрик Маллоу. Он представился и заявил, что готов дать показания.

— Ваша честь, я знаю человека, который сидит на скамье подсудимых, — произнёс Маллоу. — Он не Эдвард Линден. Его настоящее имя — Джеймс Морган, и он никогда не имел отношения к мафии. Более того, он сотрудничал с ФБР в рамках программы защиты свидетелей. Я лично курировал его дело. Обвинения, выдвинутые против него, — результат ошибки и клеветы со стороны настоящих преступников, желающих свести счёты.

Судья долго совещался. Наконец он огласил решение: обвинение снято за недостаточностью улик и недостоверностью свидетельских показаний. Марко Росси арестован прямо в зале суда. Эдди Линден — или, вернее, Джеймс Морган — свободен.

Выйдя из здания суда, Эдди глубоко вдохнул свежий флорентийский воздух, пахнувший цветами и бензином. Кэсси бросилась ему на шею, смеясь и плача одновременно. Шепард стоял рядом и растерянно улыбался. Маллоу, кряхтя, спускался по ступеням, опираясь на трость.

— Ну что, старый пройдоха, — проворчал он, обращаясь к Эдди, — на этот раз выкрутился. Но советую тебе быть осторожнее с литературой. Писатель, блин.

Эдди рассмеялся:

— Спасибо, Пат. Я твой должник.

— Брось, — отмахнулся Маллоу. — Ты и так подарил мне лучшие годы пенсии. Кстати, не хочешь написать мемуары вместе со мной? «Жизнь среди бандитов: исповедь федерала». Бестселлер гарантирован.

Они все вместе отправились в ближайшую трактирию отметить освобождение. За бокалом кьянти Эдди чувствовал, как с плеч спадает многолетняя тяжесть. Но в глубине души он знал: этот процесс изменил его. Он снова окунулся в стихию судебных баталий, снова использовал старые трюки, и — чёрт возьми — ему это понравилось. Синдром Липового Линди дал рецидив.

Глава 25: Красная папка

Вернувшись в свой тосканский домик, Эдди первым делом навёл порядок: починил выломанную дверь, подрезал оливковые деревья, отремонтировал калитку. Физический труд помогал привести мысли в равновесие. Но внутри него что-то неуловимо изменилось. Он всё чаще ловил себя на том, что перебирает старые бумаги, вспоминает былые дела, анализирует — словно готовится к новому процессу. Кэсси заметила это и однажды вечером, когда они сидели на террасе, сказала:

— Ты снова стал тем Эдди, которого я встретила двадцать лет назад. Глаза горят, в голове вечно схемы. Я уж думала, мы навсегда осели в этом раю, а ты опять рвёшься в бой.

— Я не рвусь, — мягко возразил он. — Просто... я понял, что не могу сидеть сложа руки. Когда вокруг несправедливость, когда кто-то страдает, а я могу помочь — я должен. Это как зуд. Ты ведь тоже не осталась бы в стороне.

Она вздохнула:

— Знаю. Потому и люблю тебя.

Вскоре представился случай применить его возрождённые навыки. В деревню приехал сын старого фермера, синьора Бернардо, с которым Эдди иногда играл в шахматы. Парень, Антонио, был в отчаянии. Его отца обвинили в мошенничестве при получении субсидий от Европейского союза — якобы он завысил площадь оливковых угодий и присвоил лишние деньги. Бернардо грозила конфискация фермы, долговая яма и тюрьма. Местный адвокат, ленивый и равнодушный, советовал признать вину и просить о снисхождении. Но Антонио чувствовал, что отца подставили, и искал кого-то, кто сможет докопаться до правды.

— Синьор Эдуардо, — умолял он, — вы ведь разбираетесь в законах. Вы говорили, что когда-то изучали юриспруденцию. Помогите нам!

Эдди колебался. Вмешиваться в чужие проблемы значило привлекать к себе внимание, рисковать раскрытием. Но Кэсси посмотрела на него и едва заметно кивнула. Она понимала, что он не откажет.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я посмотрю бумаги. Но предупреждаю: официально я не адвокат. Я могу только дать совет, а представлять вас в суде должен лицензированный защитник.

Антонио радостно закивал.

Эдди погрузился в изучение дела. Он запросил копии документов, просиживал ночи над кипами бумаг, и чем больше копал, тем яснее видел: пахнет крупной аферой. За подставой Бернардо стояли не просто бюрократы, а целая сеть, отмывавшая деньги через подставные фермерские хозяйства. Схема была старая, как мир: мошенники оформляли фиктивные субсидии, а когда приходила проверка, подставляли «козлов отпущения» — честных фермеров, у которых похищали документы или подделывали подписи. Бернардо стал одной из жертв.

Разбирая документы, Эдди наткнулся на знакомый почерк. Некоторые бухгалтерские проводки были оформлены точь-в-точь так, как когда-то делали люди Донателло. Неужели щупальца старой мафии дотянулись сюда? Или это другая группировка, перенявшая методы? В любом случае, дело оказалось серьёзнее, чем он предполагал.

Однажды ночью, когда он сидел над бумагами при свете лампы, в дверь тихо постучали. На пороге стоял человек в плаще, лицо скрыто полями шляпы. Эдди напрягся, но незнакомец поднял голову, и он узнал своего старого знакомого — Лысого Тони собственной персоной.

— Тони?! Какого чёрта? Ты же должен быть в Штатах!

Тони, озираясь, проскользнул в дом.

— Я залёг на дно, Линден. После того как вышла книга, ко мне начали приходить какие-то типы, расспрашивали про тебя. Я решил, что безопаснее убраться подальше. И тут услышал,

что ты попал в переплёт во Флоренции. Решил помочь. И, кажется, не зря. — Он положил на стол пухлую красную папку. — Это документы, которые я успел скопировать перед побегом. Счета, переписка, схемы отмывания. Здесь итальянский след. Похоже, остатки группы Марино пытаются восстановить бизнес в Европе через сельское хозяйство. Фермерские субсидии — идеальное покрытие.

Эдди открыл папку и углубился в чтение. Да, всё сходилось. Те же схемы, что использовались в портовых терминалах Филадельфии. Только теперь вместо контейнеров с контрабандой — цистерны с оливковым маслом. В числе фигурантов значился некий Энрико Скальфаро — фигура, известная итальянским правоохранителям, но неуловимая из-за связей в политических кругах. Именно его люди, судя по документам, и подставили Бернардо.

— Если мы передадим это властям, — сказал Эдди, — фермера оправдают. Но начнётся такое расследование, что нам с тобой придётся давать показания. А это снова раскроет наши личности.

— Есть другой путь, — тихо произнёс Тони. — Мы можем отдать папку журналистам. Шепард сумеет организовать утечку. Скандал в прессе вынудит прокуратуру действовать, но без нашего участия. Мы останемся в тени.

Эдди задумался. Это было рискованно: Шепард и так уже засветился, но другого выхода не было. Он связался с Шепардом, и тот с энтузиазмом согласился. Через несколько дней в ведущих итальянских газетах появились разоблачительные статьи. Разразился грандиозный скандал. Скальфаро и его подельников арестовали. Дело Бернардо пересмотрели, и старик был полностью оправдан.

Фермер плакал от счастья и не знал, как благодарить «синьора Эдуардо». Эдди отшучивался, но в душе ликовал. Он снова кому-то помог, восстановил справедливость, не запачкав при этом рук. Кэсси, наблюдавшая за ним со стороны, улыбалась.

Однако эйфория длилась недолго. Однажды вечером к дому подъехала машина с затемнёнными стёклами. Из неё вышли двое мужчин в штатском и предъявили удостоверения. Это были сотрудники итальянской антимафиозной прокуратуры. Они вежливо, но настойчиво попросили синьора Моргана проехать с ними для беседы.

Кэсси вцепилась в руку мужа, но Эдди успокоил её:

— Всё нормально. Я скоро вернусь.

В машине ему сообщили, что он не задержан, но его помощь требуется следствию. Оказывается, материалы, переданные Шепардом в прессу, содержали настолько ценные сведения, что прокуратура хочет предложить ему сотрудничество на официальной основе. Им нужен консультант, который разбирается в теневых финансовых схемах. Эдди, как бывший юрист и обладатель уникального опыта, идеально подходил на эту роль.

Перед ним встала дилемма. Согласиться — значит снова окунуться в мир, из которого он так долго выбирался. Отказаться — упустить шанс окончательно искоренить остатки мафии и защитить таких, как Бернардо, в будущем.

Он попросил время на раздумье.

Глава 26: Судный день

Разм

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.